

Александр Николаевич Островский

**Грех да беда на кого не
живет**

Александр Николаевич Островский
Грех да беда на кого не живет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118558

**Александр Николаевич
Островский
ГРЕХ ДА БЕДА НА
КОГО НЕ ЖИВЕТ**

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Валентин Павлович Бабаев, помещик, молодой человек.

Карп, человек Бабаева.

Шишгалева, приказный.

Зайчиха (Прокофьевна), хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевым.

Лукерья Даниловна Жмигулина, девица пожилых лет, дочь отставного приказного.

Действие происходит в уездном городе. Комната, оклеенная дешевыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходящая, другая в соседнюю комнату; окна с ситцевыми занавесками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп (развязывает чемодан), Зайчиха (смотрит в окно).

Зайчиха. Ты погляди-ка, милый человек, сколько народу сошлось.

Карп. Что им надо? Чего они не видали?

Зайчиха. Всякому, милый, знать хочется, кто такой приехал.

Карп. Сказано про вас, что провинция, так она провинция и есть. Ну, скажи им, что Бабаев, Валентин Павлович, помещик.

Зайчиха *(в окно)*. Бабаев, помещик. *(Карпу.)* Спрашивают, зачем?

Карп. Известно, за делом. А ты думаешь, гулять мы к вам приехали. Как же, есть оказия!

Зайчиха *(в окно)*. За делом. *(Карпу.)* Надолго ли?

Карп. Нам здесь не детей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

Зайчиха *(в окно)*. На два дня. *(Отходит от окна.)* Теперь всех убоготворила. Минут через пять весь город знать будет.

Карп. А у тебя, тетенька, квартира-то ничего, чистенька.

Зайчиха. Чистенька, батюшка, чистенька; затеев больших нет, а чистенька. Конечно, проезд в наш город небольшой...

Карп. Не на трахте.

Зайчиха. Какой тут трахт! А все-таки, кто наедет лучше-то, у меня останавливаются. Помещиков много знакомых по окрестности, привыкли ко мне; в гостиницу-то мало кто заезжает.

Карп. Потому беспокойно.

Зайчиха. Какой покой! Внизу трактир: в базарный день содом просто. А что я у тебя спрошу: не сынок ли твой барин-то покойной енаральше Бабаевой, Софье Павловне?

Карп. Он самый и есть.

Зайчиха. У них усадьба-то Заветным прозывается?

Карп. Заветным.

Зайчиха. Ну, так, так! Я его давеча признала. Еще маленького видала: с маменькой в город ездил, и ко мне заезжали. В деревне, что ль, живете?

Карп. Нет, мы больше в Петербурге; а теперь в деревню на лето для благоустройства приехали.

Зайчиха. Так, так. А что, хорош он для людей-то?

Карп. Ничего, хорош.

Зайчиха. Ну, слава тебе господи! Дай ему бог здоровья! В город-то вы по какому делу?

Карп. Да по этим по судам все. Дело-то грошовое, там свидетельство, что ли, какое, а пожалуй, протомят дней пять.

Зайчиха. Что мудреного! У судей-то были?

Карп. У всех были. Теперича нам из суда приказного прислали.

Зайчиха. Вам, не то что нам, скоро сделают. Коли тебе понадобится что, стукни в стену – я тут и буду. (*Уходит.*)

Из боковой двери выходят Бабаев и Шишгалеv.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бабаев, Шишгалеv и Карп.

Бабаев. Так вы, милый, говорите, что решительно нельзя?

Шишгалеv (*с поклонами, беспрестанно сморкаясь и прикрывая рот рукою*). Уж поверьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы уж для вас...

Бабаев. А может быть?

Шишгалеv. Извольте, сударь, сами рассудить: теперь присутствие кончилось, членов собрать теперича никакой возможности нет-с; завтра праздник – табель, тут суббота, а там воскресенье.

Бабаев. Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной делаете.

Шишгалеv. Чем же я причинен-с? Я человек самый маленький.

Бабаев. Но что же я, мой милый, здесь буду делать четыре дня? Ведь это ужасно!

Шишгалеv. Извольте, сударь, полюбопытствовать, наш город посмотреть.

Карп. А что его смотреть-то! Что за невидаль такая! Ты как скажешь: Петербург-то хуже вашего города аль нет?

Бабаев. Есть у вас какое-нибудь общество?

Шишгалев. Что вы изволите говорить-с?

Бабаев. Я говорю: нет ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья с музыкой, вечеров у кого-нибудь?

Шишгалев. Никак нет-с.

Бабаев. А где же ваши члены, ну и прочие чиновники время проводят?

Шишгалев. Промежду себя-с.

Бабаев. Как же так, промежду себя?

Шишгалев. Поденно-с. Дни назначены: нынче, например, у городничего, завтра у судьи-с, послезавтра у стряпчего, потом у откупщика, у инвалидного начальника-с: так вся неделя-с.

Бабаев. С которого часу собираются?

Шишгалев. С шести часов-с.

Бабаев. Что же они там делают?

Шишгалев. В преферанс играют-с.

Бабаев. А еще что? Неужели только в преферанс?

Шишгалев. Так точно-с, только в преферанс. Ну обыкновенно, уж тут вместе со столами и водка ставится, закуска-с – все как должно. Играют и закусывают, так время и проводят-с.

Бабаев. Так с шести часов все и пьют?

Шишгалев. Нет, как можно-с! Только кто сдает-с, или с ремизу-с другой.

Бабаев. Ну, так, стало быть, мой милый, делать нечего, приходится дожидаться.

Шишгалев. Уж подождите, сударь. А в понедельник в суд пожалуйста, мы вам и выдадим без всякой задержки-с.

Бабаев. Ну, хорошо, я в понедельник приеду в суд. Ведь вы будете писать, так я вам там... что следует... Я не люблю, чтоб для меня даром работали.

Шишгалев. Семейство большое, сударь...

Бабаев. Что такое?

Шишгалев. Теперь соблаговолили бы что-нибудь!..

Бабаев. Да я, право, не знаю, как же это? Сколько же вам?

Карп. Да дайте ему, сударь, целковый, вот и будет с него.

Бабаев (*отдает деньги*). Вот извольте... Мне, право, со-вместно.

Шишгалев (*кладет в карман*). Ничего-с. Чувствительнейше вас благодарю, желаю вам всякого благополучия. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бабаев и Карп.

Бабаев. Как ты груб, Карп!

Карп. Да если с ними, сударь, нежности-то разводить, так они и повадятся таскаться сюда да на судьбу свою плакаться. На них никаких денег не напасешься. Народ без креста.

Бабаев. Однако что же я буду делать! Погулять бы пошел, да еще жарко. Карп, что делать?

Карп. Вот что: сосните, сударь! С дороги-то хорошо.

Бабаев. А ночью-то что делать?

Карп. Да и ночью то же. От тоски-то, говорят, спится.

Бабаев. Эка глупость, книг мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то. (*Уходит в боковую дверь.*)

Карп. Ишь ты, что выдумал! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на уме! Балованный был сынок у маменьки! И воспитывался-то все с барышнями да в девицкой, вот его теперь и тянет. Живу я теперича с ним в Петербурге, каких только я делов навиделся! Грех один! Уснул, что ли, он там? И я б отдохнул. (*Хочет ложиться, дверь открывается.*) Кого это еще?..

Входит Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Карп и Жмигулина.

Карп. Вам чего?

Жмигулина. Валентина Павлыча.

Карп. На что он вам?

Жмигулина. Коль скоро я его желаю видеть, это означает, что он мне нужен.

Карп. Вы на бедность, что ли?

Жмигулина. Какое невежество! Разве ты не знаешь, что

жмигулинские барышни всегда при ихней мамаше у них в доме были приняты. Мы даже очень близко знакомы с Валентином Павлычем.

Карп. Вы-то близко? Сумнительно мне это.

Жмигулина. Ты, может быть, принимаешь мои слова в каком-нибудь глупом смысле, который я совсем не понимаю. (*Садится.*) Твоя такая обязанность, что ты сейчас должен пойти и доложить обо мне.

Карп. Вот что я вам скажу: он теперича почивает.

Жмигулина. Невозможно этому быть, потому что я сейчас его видела в окно.

Карп. Ну, уж, видно, нечего с вами делать. Доложу пойду. (*Уходит.*)

Жмигулина. По нынешнему времени от этих новых перемен очень много люди стали портиться. Он должен прежде узнать, какого я звания, так со мной и обращаться. И опять же не его дело, – на бедность я пришла просить или нет! Конечно, из нашего звания многие этим занимаются, но не все же. Может быть, и Валентин Павлыч стал довольно горд в Петербурге и не захочет меня видеть! А мне ужасно как хочется доказать в здешнем городе, какое мы знакомство имеем. Кажется, он прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней.

Входит Бабаев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бабаев и Жмигулина.

Бабаев. С кем имею удовольствие говорить?

Жмигулина. Я никак не могла ожидать, Валентин Павлыч, что вы так скоро забудете своих старых знакомых.

Бабаев. Садитесь, сделайте одолжение.

Садятся.

Я, право, что-то не припомню.

Жмигулина. Конечно, в нынешнем свете чувства не в моде, нынче все больше политика, но мы, как люди не столичные, очень хорошо помним прежние знакомства и особенно благодеяния.

Бабаев. Я с вами согласен, – благодеяний никогда забывать не следует.

Жмигулина. Мы вашей мамаше столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько они сделали для семейства Жмигулиных!

Бабаев. Жмигулиных?

Жмигулина. Особенно для нас с сестрой Таней.

Бабаев (*припоминая*). Таней... Татьяна Даниловна?

Жмигулина. Теперь вспомнили?

Бабаев. Так вы ее сестрица?

Жмигулина. Лукерья Даниловна Жмигулина.

Бабаев. Извините, сделайте одолжение!

Жмигулина. Я нисколько не могу быть в претензии на вас, что вы больше помните сестру, чем меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

Бабаев. Да, да! Удивительной красоты девушка! Мы были с нею большими приятелями.

Жмигулина. Мне это очень хорошо известно. Кому же и знать, как не мне! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

Бабаев. Да, да, конечно. Скажите, пожалуйста, где она теперь? Что подделывает?

Жмигулина. Она здесь в городе, замужем.

Бабаев. Замужем? Хорошо живет?

Жмигулина. Какая жизнь, помилуйте! В бедности, между такого народа, который без понятия. Это не то, что бывало, у вашей мамыши в Заветном! Просто был рай земной! Ваша мамаша были самая добрейшая дама и любили, чтоб у них было всем весело. Барышень всегда было в доме много, а также и кавалеров; с утра до ночи разные игры были. Даже горничных, бывало, заставляли с нами в горелки и в другие игры играть, а сами смотрят на нас да радуются.

Бабаев. Ну да как же, как же! Ведь это так недавно было: года три, не больше, как я уехал в Петербург.

Жмигулина. Я очень хорошо помню: с пестрой недели третий год пошел, как вы уехали. Ваша мамаша, бывало, да же не любили, когда кто задумается или книжку читает. Что,

говорят, ты тоску-то нагоняешь! Ну и бесились все до упаду. А промежду этим весельем, у кого замечательный глаз, мог многое кой-что заметить.

Бабаев. Очень естественно. Мужчины, девушки, молодые дамы постоянно вместе, – нельзя же, чтоб обошлось без любви.

Жмигулина. Особенно вы отличались по этой части. А последнее время все с Таней да с Таней, так и не отходили от нее. Так вас голубками и звали.

Бабаев. Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемера?

Жмигулина. Об нем и вспоминать не стоит: он впоследствии даже очень низким оказался против меня. Впрочем, судьба его наказала за все невежества относительно благородной девицы; он сам теперь находится под судом за буйственные в нетрезвом виде поступки.

Бабаев. Скажите мне, сделайте одолжение, каким образом ваша сестрица вышла замуж?

Жмигулина. Прошлым летом, когда ваша мамаша скончалась, у нас решительно не осталось никаких благодетелей. Папенька наш при своей старости был человек в городе незначительный, робкий, оттого что мало чинов произошел. Папенька наш был канцелярист и получал жалованья тридцать рублей в год. На эти деньги как мы могли жить? Мы все-таки видели свет. Прежде мы почти не жили дома, да и ваша мамаша нам во всем помогали. Тут вдруг все прекратилось,

а вскоре и папенька умер. В это время посватался за Таню... я просто даже стыжусь вам сказать.

Бабаев. Полноте, что за стыд!

Жмигулина. Вы так милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдруг этакое невежество с нашей стороны!

Бабаев. Что ж делать! Такие, вероятно, были обстоятельства. Чем же вы виноваты!

Жмигулина. Но, ах! я, право, всегда так конфужусь этого родства, что вы себе представить не можете. Ну, одним словом, обстоятельства наши были такие, что она принуждена была выйти за лавочника.

Бабаев. За лавочника? Чем он торгует?

Жмигулина. Овощным товаром. Вот и лавка видна. На вывеске написано: «Лев Краснов».

Бабаев. Да, я видел. Хороший человек?

Жмигулина. Он из ихнего круга очень хороший человек и очень любит сестру, только все, знаете, закоренелость какая-то в ихнем звании. Как хотите судите, а все-таки он от мужика недалеко ушел. А уж этой черты характера, хоть семь лет в котле вари, все не вываришь. Впрочем, надо правду сказать, он для дому хозяин отличный: ни дня ни ночи себе покою не знает, все хлопочет да бегаёт. И для сестры теперь все, что только бы ей ни пожелалось, даже последнюю копейку готов отдать, только бы ей угодить, так что сестра решительно никакого дела не делает, живет как барыня;

только одно – обращение его тяжело, да вот еще разговор его нас очень конфузит. Совсем, совсем не такого я Тане счастья ожидала. Судя по красоте ее да по тому, какие люди на нее заглядывались, ей бы в карете ездить. А теперь вот пришлось чуть не из-за куска хлеба за мужика идти да перед людьми за него стыд терпеть.

Бабаев. Так Татьяна Даниловна замуж вышла... Жаль!

Жмигулина. Вам что же жалеть! Ведь она вам не пара.

Бабаев. Да, конечно. А все-таки, знаете, вот я здесь, в городе, по обстоятельствам должен пробыть четыре дня, а может быть и больше, – что я буду делать? Я очень рад, что вы меня навестили. Не будь вас, я бы не знал, куда деваться! Ну, а представьте, если бы ваша сестрица была девушка, мы бы так провели эти четыре дня, что совсем и времени б не заметили. (Берет ее за руку.) Не правда ли?

Жмигулина. Кто же вам теперь мешает?

Бабаев. Ну все-таки как-то неловко: она замужем, еще что муж подумает. Досадно, право.

Жмигулина. Скажите пожалуйста! Вы, кажется, были прежде совсем других правил насчет этого. Не очень на мужей-то смотрели, что им нравится, что нет.

Бабаев. Да, но ведь то совсем в другом круге; там обращение гораздо свободнее.

Жмигулина. А вы почему же знаете, свободно сестре или не свободно?

Бабаев (*берет ее за обе руки*). Но во всяком случае я вам

так рад, так благодарен, что вы доставляете развлечение в моей скуке. Не угодно ли вам чего? Сделайте милость, распоряжайтесь как дома; здесь всё к вашим услугам! Чаю не хотите ли?

Жмигулина. Много вам благодарна. Я сейчас только пила, и притом же я домой тороплюсь. Нам нужно с сестрой идти по одному делу. Прикажете поклониться от вас?

Бабаев. Сделайте одолжение!

Жмигулина (*идя к двери*). Что же вы нас с сестрой в гости не зовете?

Бабаев. Я был бы очень счастлив, только я, право, не знаю, как это сделать! А очень бы мне хотелось видеть Татьяну Даниловну.

Жмигулина. А коли хочется видеть, так за чем же дело стало? Она у нас не принцеса какая, не за десятью замками посажена. Ведь уж вы беспрерывно куда-нибудь гулять пойдете, не будете в комнате сидеть?

Бабаев. Я бы пошел, да не знаю куда.

Жмигулина. Вам далеко незачем ходить! Пройдите в задние ворота на берег, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это место тихое, уединенное, проходящих там мало; для мечтательных молодых людей очень приятная прогулка. Мы с сестрой пойдем этой дорогой, там вы ее и можете видеть. До свидания! (*Уходит.*)

Бабаев. Вот так сюрприз! Мог ли я ожидать такого счастья? Танечка, Танечка! Я опять ее увижу. Я с ума сойду от

радости. Такая она была миленькая, нежненькая. Другие говорили, что она немножко простенькая. Разве это порок в женщинах? И притом красота, красота! Нет, этак, пожалуй, здесь не четыре дня, а четыре недели пробудешь. (*Уходит.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Бабаев.

Жмигулина.

Татьяна Даниловна, замужняя сестра ее, по муже Краснова.

Архип, слепой старик, дед Краснова.

Афоня, болезненный мальчик, лет восемнадцати, брат Краснова.

Берег; с одной стороны ворота и забор, с другой угол сарая; за рекой сельский вид; закат солнца.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Архип и Афоня (входят).

Афоня. Дедушка, отдохнем здесь немножко! Недужится мне. Садись вот на скамеечку!

Архип. Сядем, Афоня, сядем. Плохи мы с тобой; меня

старость, а тебя хворость одолела.

Афоня. Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дедушка, не жилец на белом свете.

Архип. Не слушай ты бабьего разговору! Никто не знает, какой ему предел положен.

Афоня. Что мне бабы! Я сам знаю, что я не жилец. Меня на еду не тянет. Другой, поработавши, сколько съест! Много, много съест, и все ему хочется. Вон брат Лёв, когда устанет, ему только подавай. А по мне хоть и вовсе не есть; ничего душа не принимает. Корочку поглужу, и сыт.

Архип. Это к росту бывает.

Афоня. Нет, не к росту. Куда мне еще расти, с чего! Я и так велик по годам. А это значит: мне не жить. Ты, дедушка, возьми то: живой человек о живом и думает, а у меня ни к чему охоты нет. Другой одёжу любит хорошую, а мне все одно, какой ни попадись зипунишко, было бы только тепло. Вот ребята теперь, так у всякого своя охота есть: кто рыбу ловит, кто что; в разные игры играют, песни поют, а меня ничто не манит. В те поры, когда людям весело, мне тошней бывает, меня тоска пуще за сердце сосет.

Архип. Так в тебя бог вложил. От младости ты не возлюбил мира сего суетного. У других малодушество-то с летами проходит, когда беды да напасти, Афоня, изомнут да в муку изотрут человека; а ты вот, не живя, еще ни горя, ни радости не видавши, как старик рассуждаешь. Ну и благодари бога, что он так умудрил тебя. Мир тебя не прельщает,

соблазну ты не знаешь и греха, значит, на тебе меньше. Вот тебе какое счастье! А ты вот меня послушай! Я, Афоня, соблазн знал, да и не всегда от него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шел на соблазн. Тебе вот все равно, ты говоришь; для тебя никакой утехи на свете нет, а мне божий мир хорош и красен был: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велят тебе всю сладость мирскую изведать. А в миру-то, Афоня, добро со злом рядом живет, об руку ходит. Ну и нагресишь грехов-то больше песка морского. Хорошо вот бог привел до покаяния дожить, не во грехах застал. Каешься, сокрушаешься, на милосердие надеешься, а тебе не в чем будет каяться: ты у нас, Афоня, божий человек.

Афоня. Нет, дедушка, нет, не говори ты этого! Какой я божий человек! Я видал божьих людей: они добрые, зла не помнят; их бранят, дразнят, а они смеются. А я, дедушка, сердцем крут: вот как брат же; только брат отходчив, а я нет; я, дедушка, злой!

Архип. Да на кого тебе, дитяtko, сердце иметь? Кто тебя обижает?

Афоня. Меня-то не обижают, а у меня за всех сердце болит: за тебя, за брата, за всех.

Архип. Что ж тебе об нас болезновать! Мы, кажись, живем безобидно.

Афоня. Мы и жили безобидно, пока брат холостой был. Дедушка, за что брат так очень жену любит?

Архип. Как же ему не любить ее? Зачем же он и женился? Ты бы радоваться должен, что брат жену любит. Экой ты глупый человек!

Афоня. Нет, я дело говорю. Прежде меня брат больше любил и тебя больше любил.

Архип. Ты, стало быть, ненавистник! Стало быть, ты завидуешь.

Афоня. Нет, не завидую. Брат нешто слеп? Так ли она его любит, как он ее? Стоит ли она его? Зачем же он перед ними рабствует? Мне обидно, что он рабствует. Хуже, что ли, он их с сестрой? Жену-то в дом приводят работницу, а она сидит сложа руки. Брат один работает да ухаживает за ними. Мне его жаль.

Архип. Тебе что за дело? Его охота. Он работает, тебя не заставляет. Мы с тобой сыты по его ж милости.

Афоня. Нешто я не знаю. Ты мне, дедушка, вот что скажи: лучше они брата или нет?

Архип. Лучше не лучше, а они другого роду!

Афоня. Так что ж что другого роду! Стало быть, брат должен работать на них, кормить их, одевать, а они будут важничать. Лучше брата на свете человека нет, а его сделали работником.

Архип. Почем ты знаешь; может, брат сам не хочет, чтоб она работала.

Афоня. А коль не работает, так и не величайся! Вышла замуж за мещанина – такая же мещанка стала, как и мы. Что

ж, мы проклятые, что ли, какие, прости господи! У нас тоже и общество есть, и подати платим, и повинности всякие несем. Брат потом да горбом деньги-то достает да в общество несет. Сидела бы дома в девках, да и барствовала, а вышла замуж, так знай, что один в доме большой – хозяин. Я ведь, дедушка, все вижу, все слышу; меня они, бесстыжие, не берегутся. Брат ей платки да платья шелковые дарит, а они с сестрой промеж себя смеются, дураком его называют. Я все слышу, все горько мне, дедушка, горько! Стал я брату говорить, он меня же изругал.

Молчание.

Вот я, дедушка, никак уснуть не могу; что я днем-то вижу, все это мне и лезет в глаза, засосет у меня сердце, и всю-то ночь я плачу. Какой я жилец! Мне теперь с здоровьем-то и поправиться нельзя. Уж очень у меня сердце горячо! Скорей бы меня бог прибрал, чтобы мне меньше мучиться.

Архип. Полно грешить-то! Тебе жить да жить! Мне вот, Афоня, уж вовсе жить незачем, а я все живу. Бог-то знает, что делает. Что я за человек стал! Красного солнышка, ясного месяца я не вижу, зеленых лугов тоже, студеной водицы и всей твари божьей тоже не увижу никогда. А больней мне всего, что не вижу я светлого лица человеческого.

Афоня. Тебе, дедушка, жаль, что ты не видишь ничего; а мне так надоело это все; не мило мне ничто.

Архип. Оттого тебе и не мило, что ты сердцем непокоен. А ты гляди чаще да больше на божий мир, а на людей-то

меньше смотри; вот тебя на сердце и легче станет. И ночи будешь спать, и сны тебе хорошие будут сниться. Где мы теперь сидим, Афоня?

Афоня. На берегу, дедушка, подле Зайчихи.

Архип. А мост у нас направо?

Афоня. Направо, дедушка.

Архип. А солнышко теперь налево?

Афоня. Налево, дедушка; совсем садится.

Архип. В тучку?

Афоня. Нет, чисто. Заря таково ярко горит, должно к вёдру.

Архип. То-то, то-то, я сам чую, воздух такой легкий, ветерок свеженький; так бы и не ушел. Красен, Афоня, красен божий мир! Вот теперь роса будет падать, от всякого цвету дух пойдет; а там и звездочки зажгутся; а над звездами, Афоня, наш творец милосердный. Кабы мы получше помнили, что он милосерд, сами были бы милосерднее!

Афоня. Я, дедушка, буду стараться укротить свое сердце.

Входит Бабаев.

Пойдем, дедушка! Какой-то чужой барин тут ходит; еще, пожалуй, станет смеяться над нашими речами.

Архип (*встает и идет за Афоней*). Величит душа моя господа.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бабаев (один).

Бабаев. Когда ждешь чего-нибудь приятного, как время долго тянется! Нарочно сделал большой обход, чтобы не рано прийти сюда, а все-таки пришел прежде них. Ужасно не люблю дожидаться! Что за глупое положение! А женщины вообще любят помучить – это в их характере; им очень нравится, когда их ждут. Конечно, это к Тане не относится: она, я думаю, рада-радехонька, что я приехал; я говорю про женщин нам равных. Я думаю, они мучат для того... как бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы вперед вознаградить себя за те права, которые они потом теряют. Вот что значит быть среди хорошего ландшафта, так сказать наедине с природой! Какие прекрасные мысли приходят в голову! Если эту мысль развить, конечно на досуге, в деревне, может выйти миленькая повесть или даже комедия вроде Альфред Мюссе. Только ведь у нас не сыграют. Такие вещи нужно играть тонко, очень тонко; тут главное – букет. Кажется, кто-то идет. Не они ли? Как-то мы встретимся? Два года разлуки много значит.

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бабаев, Краснова и Жмигулина.

Краснова (*подавая руку Бабаеву*). Здравствуйте, Валентин Павлыч! Я так обрадовалась, когда сестра мне сказала, что вы приехали.

Бабаев. Значит, вы меня еще не забыли?

Краснова. Еще бы! Мы очень часто, даже очень часто с сестрой вспоминаем про вас. А вы так нас забыли, она мне сказывала.

Бабаев. Ну, нет, я вас не забыл. Есть отношения, душенька Татьяна Даниловна, которые не скоро забываются. Наше знакомство с вами было в этом роде. Не правда ли?

Краснова (*потупясь*). Да-с.

Бабаев. Уверяю вас, что, как только вырвался из Петербурга в деревню, я постоянно искал случая побывать в городе и непременно найти вас.

Жмигулина. И до сих пор не находили такого случая? Скажите пожалуйста!

Бабаев. Уверяю вас.

Жмигулина. Так вам и поверили! Ты, Таня, не верь кавалерам, они всегда обманывают.

Бабаев. Вы-то за что на меня?

Жмигулина. Это не к одним вам, а и ко всем прочим

кавалерам относится.

Краснова. Вы долго здесь пробудете?

Бабаев. Долго ли пробуду-то? Я сначала думал, что это будет зависеть от приказных, у которых мое дело; а теперь вижу, что это зависит от вас, душа моя Татьяна Даниловна.

Краснова. Уж это слишком много чести для меня. Нет, в самом деле, денька три-четыре пробудете?

Бабаев. Дело мое обещали кончить через три дня; но я, пожалуй, остался бы и еще дня на три или четыре, если вы этого хотите.

Краснова. Разумеется, хочу.

Бабаев. Только вот что, душенька Татьяна Даниловна! У вас в городе тоска страшная. Я останусь, но с тем условием, чтобы видеться с вами как можно чаще.

Краснова. Что ж, это очень просто. Приходите к нам. Вот завтра чай кушать милости просим!

Бабаев. Да, но ведь к вам часто нельзя же, пойдут сплетни да разговоры, и притом же ваш муж...

Краснова. Какое же ему дело? Вы мой знакомый, вы ко мне придете, а не к нему.

Жмигулина. Потом мы с своей стороны тоже учтивость соблюдем, оплатим вам визит. И, между прочим, мы часто бываем у хозяйки вашей; следовательно, если наше свидание для вас интересно, вы можете туда приходить.

Бабаев (*отходит с Красновой в сторону*). Вы не скучаете замужем?

Краснова (*помолчав*). Не знаю, как вам сказать.

Бабаев. Вы, душенька Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, как мы были всегда расположены к вам.

Краснова. Для чего же мне быть с вами откровенной? Какая может быть из этого польза? Ведь уж теперь поправить нельзя.

Бабаев. Если нельзя совсем поправить, так можно, душенька Татьяна Даниловна, хоть на время усладить свое существование, чтобы не совсем заглухнуть в этой пошлой жизни.

Краснова. На время! А потом еще тяжеле будет.

Бабаев. Знаете что? Я хочу совсем переехать в деревню; тогда мы будем жить недалеко друг от друга. Я готов даже в город переехать, только бы вы...

Краснова (*отворачиваясь*). Не говорите мне, пожалуйста, таких слов! Я даже, Валентин Павлыч, никак не ожидала этого слышать от вас.

Жмигулина (*Бабаеву*). Вы там что-то уж очень! Я ведь все слышу.

Бабаев. Лукерья Даниловна, кажется, кто-то идет. Сделайте одолжение, посмотрите там на берегу: мне не хотелось бы, чтобы нас здесь видели вместе.

Жмигулина. Ох вы! Тонкий кавалер! (*Отходит.*)

Краснова. Так вы, Валентин Павлыч, придете к нам завтра чай кушать?

Бабаев. Право, не знаю, может быть.

Краснова. Нет, непременно приходите!

Молчание.

Ну, как же мне вас просить? (*Берет Бабаева за руку.*) Ну, голубчик! Ну, ангельчик!

Бабаев. Однако вы, Татьяна Даниловна, переменялись.

Краснова. Я переменялась? Ей-богу, нет! Нисколько. Что вы меня обижаете!

Бабаев. Помните, в Заветном, Татьяна Даниловна?

Краснова. Что же такое? Я все помню.

Бабаев. Помните сад? Помните липовую аллею? Помните, как мы после ужина, когда маменька уснет, на террасе сиживали? А помните тоненькую ленточку?

Краснова (*тихо*). Какую?

Бабаев. Которой вы мне руки связывали.

Краснова (*конфузясь*). Ну, что ж из этого? Ну, я все помню, все.

Бабаев. А то же, что вы, душа моя, теперь совсем не то, что прежде: вы так холодно меня встретили.

Краснова. Ах, Валентин Павлыч! Я тогда была девушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужем. Вы только подумайте.

Бабаев. Ну да, конечно. Но все-таки я не могу никак представить себе, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вот что хочешь со мной делай, едва удерживаюсь, чтоб не называть тебя по-прежнему Таней.

Краснова. Зачем же удерживаться? Называйте!

Бабаев. Да что ж толку, душа моя! Ведь уж вы меня не любите!

Краснова. Да кто это вам сказал! Я вас люблю точно так же, да еще и больше прежнего.

Бабаев (*нагибаясь к ней*). Неужели, Танечка, это правда?

Краснова (*целует его*). Ну вот вам в доказательство! Теперь вы мне верите? Только, голубчик Валентин Павлыч, если вы не хотите моего несчастья на всю мою жизнь, чтобы нам так и любить друг друга, как мы теперь любим, чтоб вы ничего больше и не думали. А то лучше бог с вами, от греха подальше.

Бабаев. Да уж будь покойна, душенька, будь покойна!

Краснова. Нет, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтоб уж я вас не боялась.

Бабаев. Какая ты глупенькая!

Краснова. Ну да, глупенькая, как бы не так! Если послушать, что старые-то люди говорят, так я и то грех большой делаю. По старому-то закону я, кроме мужа, не должна никого любить. Только что, так как я его любить не могу, а вас и допрежде того любила, и сердца мне своего не преодолеть, так уж я... Только сохрани вас господи!.. и уж я ни под каким видом... потому что я хочу в законе жить.

Бабаев. Да успокойся!

Краснова. Так-то, милый Валентин Павлыч. Значит, между нами будет теперь самая приятная любовь: ни от бога не грех, ни от людей не стыдно.

Бабаев. Да, да, уж чего ж лучше!

Краснова. Вот я вас поцелую за это, что вы такой умный!
(*Целует его.*) Ну, так вы придете к нам завтра, этак в вечер-ни?

Бабаев. А потом ты ко мне?

Краснова. Непременно приходите! А потом мы к вам; уж я теперь вас не боюсь.

Бабаев. Какая ты красавица! Ты еще лучше стала, чем прежде.

Краснова. Ну, это пушай так при мне и останется! Прощайте! Луша, пойдем!

Жмигулина (*подходя*). До свидания! Покойной ночи, приятного сна! Розы рвать, жасмины поливать! (*Уходя.*) Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну уж молодец, нечего сказать! Я только смотрела да удивлялась.

Уходят.

Бабаев. Ну, роман начинается, какова-то будет развязка!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Лев Родионыч Краснов, лавочник, лет тридцати.

Краснова.

Жмигулина.

Архип.

Афоня.

Бабаев.

Мануйло Калиныч Курицын, мучник, лет сорока пяти.

Ульяна Родионовна Курицына, жена его, сестра Краснова.

Комната в доме Краснова: прямо дверь в сени; направо кровать с ситцевым пологом и окно, налево лежанка и дверь в кухню; на авансцене простой дощатый стол и несколько стульев; у задней стены и у окна скамьи, у левой стены шкаф с чашками, маленькое зеркало и настенные часы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Краснова (перед зеркалом надевает платок), Афоня (лежит на лежанке), Жмигулина (входит с цветною салфет-

кой).

Жмигулина. Вот, Таня, я у соседей салфетку достала стол-то покрыть, а то наша-то уж больно плоха. (*Стелет салфетку на стол.*)

Краснова. Самовар-то поставлен?

Жмигулина. Уж давно поставлен, скоро закипит. Ну вот видишь, как я говорила, так и выходит: этот платок к тебе гораздо лучше идет. Только зачем ты его заколола булавкой? (*Поправляет.*) Вот так будет вантажнее.

Афоня. Куда рядишься? Что перед зеркалом-то пялишься?

Краснова. Никуда, мы дома будем.

Жмигулина. Да тебе что за печаль? Что ж, по-твоему, чумичкой ходить, как ты?

Афоня. Да для кого рядиться-то? Для мужа, что ль? Так он и без нарядов твоих любит тебя больше того, чем ты стоишь. Аль для кого другого?

Жмигулина. Ишь ты! Дурак-дурак, а понял, что для кого-нибудь рядятся.

Краснова. Что мне для мужа рядиться! Он меня и так знает. Коли я ряжусь, так, значит, для чужого.

Афоня. Перед кем дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль в тебе совести нет?

Жмигулина. Ну, да что с дураком толковать! Ему только и дела, что молоть. Лежит на печке да придумывает.

Краснова. Что ты, в самом деле, за указчик! Муж мне

ничего не говорит, а ты рассуждать смеешь!

Афоня. Да он ослеп от вас, ослеп. Испортили вы его зельем каким-нибудь.

Жмигулина. Молчи уж, коли бог убил! Знай свое дело: кашляй век, греха в том нет.

Афоня. Дурак брат, дурак! Загубил он свою голову.

Жмигулина. Таня, не внести ли самовар-то?

Краснова. Неси! А я чашки расставлю. (*Ставит чашки. Жмигулина уходит.*) Шел бы ты в кухню.

Афоня. Мне и здесь хорошо.

Краснова. Чужие люди придут, а ты тут тоску наводишь.

Афоня. Не пойду я.

Краснова. Вот правда пословица-то: «С дураком пива не сварись». Ведь к нам не ваш брат лавочник какой-нибудь придет! Барин придет, слышишь ты. Что ты ломаешься-то!

Афоня. Какой барин? Зачем?

Краснова. Такой же барин, как и все господа бывают. Наш знакомый, помещик богатый; ну и ступай вон!

Афоня. Он там у себя барин, а я здесь у себя барин. Не я к нему иду, он ко мне идет. Я у себя дома, я больной человек, никого не уважаю. Ты для него, что ли, разрядилась-то?

Краснова. Мое дело, не твое.

Жмигулина вносит самовар.

Жмигулина (*ставит самовар на стол*). Лёв Родионыч

идет с кем-то.

Краснова. Ну как из родных кто, вот наказание-то!

Афоня. Наказанье! А вы зачем в нашу родню влезли?

Входят Краснов, Курицын и Курицына.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Афоня, Курицын и Курицына.

Краснов (*жене*). Здравствуйте-с! (*Целуются.*)

Краснова. Вот нежности!

Краснов. Ничего-с. Дело законное-с! Извольте гостинцу-с! Винных ягодок свежих получили-с. (*Подает сверток.*) Вот я вам гостей привёл. Самовар-то уж готов у вас, вот и кстати-с.

Курицына. Здравствуйте, сестрица! Вы такая гордая, никогда к нам не зайдете! А мы по простоте живем, взяли да и пришли с Мануйлом Калинычем непрошеные.

Курицын. Здравствуй, сестра! Что взаправду родней-то гнушаешься! Забежала бы когда, чай, ноги-то не отсохли!

Краснов. Ну когда им по гостям ходить! Им только бы дома-то управиться! К хозяйству начинают привыкать.

Курицына. Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за миллионщиком вы замужем-то, нечего барствовать!

Курицын. А ты приучай, да хорошенько!

Курицына (*подходя к Афоне*). А ты, Афоня, все хвори-ешь? Ты бы чем полечился!

Курицын (*тоже подходя к Афоне*). А ты ешь больше, вот и хворь пройдет. Не хочется, так насильно ешь! Да, я тебе говорю! (*Разговаривает с Афонией тихо.*)

Краснова (*мужу*). Что вы наделали! Каких вы гостей на-вели!

Жмигулина. Ну уж, признаться, зарезали вы нас. Такой конфуз, такой конфуз!

Краснов. Какой конфуз? что барин-то придет-с? Так что ж за беда! Не велика важность! Пущай посмотрит, какая род-ня у вас.

Жмигулина. Очень ему интересно!

Краснов. Не гнать же мне сестру для него! Стало быть, и разговору нет. Я его еще и в глаза не видал, какой он такой; а это по крайней мере родня. А впрочем, наши недолго за-сидятся. (*Жене.*) Садитесь, наливайте чай! Братец, сестрица, пожалуйста! По чашечке-с!

Все, исключая Афони, садятся у стола.

Курицын. Дело, брат, праздничное, так оно перед чай-ком-то бы того... по малости. Аль сам-то не пьешь?

Краснов. Женившись на Татьяне Даниловне, я с самого того дня все это в пренебрежении оставил-с. Татьяна Дани-ловна, попотчуйте братца с сестрицей водкой!

Краснова (*достает из шкафа и ставит на стол графин, рюмку и закуску*). Пожалуйте, сестрица!

Курицына пьет.

Пожалуйте, братец!

Курицын. Не так просишь, порядку не знаешь.

Краснов. Вы, братец, не ломайтесь! Моя супруга ваших обыкновений не знают, да и знать им не для чего. Пожалуйте, без церемонии.

Курицын (*выпив*). Балуеть ты свою жену, вот что я тебе скажу! Да, воля и добрую жену портит. А ты бы с меня пример брал, учил бы ты ее уму-разуму, так лучше бы дело-то, прочней было. Спроси вот, как я твою сестру школил, небу жарко было.

Курицына. Да уж вы, Мануйло Калиныч, известный варвар, кровопивец! Вам только бы над женой ломаться да власть показывать, в том вся ваша жизнь проходит.

Курицын. Какие это такие слова? Кто это их здесь говорит? Где это говорят? (*Оглядываясь*.) Нет ли тут кого чужого, постороннего? Словно как свои-то у меня не смеют так разговаривать!

Курицына (*спохватясь*). Это я так к слову только, Мануйло Калиныч! А что, конечно, сестрица, с нашей сестрой без острастки нельзя. Недаром говорится: жену бей, так щи вкусней.

Краснова. Как кому нравится, кто что любит! Вам, сест-

рица, нравится такое обращение, а я считаю за невежество.

Жмигулина. Нынче уж мужицкое-то обращение везде бросают, выходить стало из моды.

Курицын. Ну уж это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая над бабами, из моды не выдет, потому без нее нельзя. Брат, слушай, я до чего Ульяну доводил, до какой точки. Бывало, у нас промеж себя, промеж знакомых или сродственников за спором дело станет, чья жена обходительнее. Я всех к себе на дом веду, сяду на лавку, вот так-то ногу выставлю и сейчас говорю жене: «Чего моя нога хочет?» А она понимает, потому обучена этому, ну и, значит, сейчас в ноги мне.

Курицына. Что ж, это точно, это бывало. Я при всех без стыда скажу.

Краснов. Ничего в этом нет хорошего, один кураж.

Курицын. Эх, брат! Бей шубу, будет теплее, а жену – будет умнее.

Краснова. Не всякая жена позволит себя бить, а которая позволяет, так она, значит, больше того и не стоит.

Курицына. Что ж это вы, сестрица, вдруг так заважничали! Хуже, что ли, я вас? Ты, матушка, погоди больно возноситься-то! Можно тебе крылья-то и сшить.

Краснов. Можно, да осторожно.

Курицына. Да ты-то что! Взял голь, да и важничает. Али ты воображаешь, что на значительной помещице женился?

Краснов. Что я воображаю – это мое дело, и не с твоим

разумом его понимать. Значит, надо тебе молчать.

Жмигулина. Вот так занятный разговор, есть что послушать!

Курицына. Кажется, не из барского роду взята, а из приказного. Не велика дворянка. Козел да приказный – бесова родня.

Краснов. Я тебе сказал: молчи! Не десять раз говорить, сразу должна понимать!

Курицын. Не трожь, пушай их! Я люблю, когда бабы браниться свяжутся.

Краснов. Да я-то не люблю.

Курицына. Мало ль ты чего не любишь, так по тебе и угождать! Ишь ты какой грозный! Ты на жену кричи, а на меня нечего: я тебе не подначальная. У меня свой муженек хорош, есть кому командовать-то и без тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырям да по заулкам шляется да с молодыми господами по целым часам балясы точит.

Краснов (вскочив). Что-с!

Краснова. Никаких я пустырей, никаких переулков не знаю; а что встретила я с Валентином Павлычем на берегу, так это я вам, Лёв Родионыч, сказывала, и даже все, что мы говорили.

Жмигулина. Да ведь и я тут сопутствовала.

Курицына. Да ты такая же.

Краснов. Ну не змея ли ты теперича подколотная! а еще сестра называешься. Чего тебе хочется? меня с женой рас-

строить? Ненавистно тебе, что я ее люблю? Так знай ты за-
всегда, что я ее ни на кого не променяю. Я тридцать лет
для семьи бобылем жил, до кровавого поту работал, да то-
гда только жениться-то задумал, когда весь дом устроил. Я
тридцать лет себе никакой радости не знал! Следственно, я
должен быть им, супруге моей, благодарен, что они, при всей
своей красоте и образовании, полюбили меня, мужика. До-
преж того я на вас был работник, а теперь на них вечный
работник. Околею на работе, а для них всякое удовольствие
сделаю. Я должен у них ножки целовать, потому что я очень
хорошо понимаю, что я и со всем-то домом против одного
ихнего мизинца не гожусь. Так после этого нешто я дам их в
обиду! Я уважаю – и все уважай!

Жмигулина. Сестрица и сама понимает, что она всякого
уважения стоит.

Краснов. Ты какое слово сказала-то! Коли поверить тебе,
что ж тогда делать? Ну, скажи! Одна у меня радость, одно
утешение, и я его должен решиться. Легко это, а? легко? Я не
каменный какой, чтоб на такие женины дела сквозь пальцы
смотреть! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задело,
и то во мне все сердце перевернулось. А поверь я тебе, так
ведь, чего боже сохрани, долго ли до греха-то! За себя пору-
читься нельзя: каков час выдет. Пожалуй, дьявол под руку-то
толкнет. Господи, оборони нас! Нешто этим шутят! Уж коли
ты хотела обидеть меня, взяла бы ты ножик да пнула мне в
бок, легче бы мне было. После таких слов мне лучше тебя,

разлучницу, весь век не видать; я лучше от всей родни откажусь, чем ваше ехидство переносить.

Курицына. Не я разлучница-то, она родню-то разлучает.

Курицын. Что, брат! Видно, женина родня – так отворяй ворота, а мужнина родня – так запирай ворота! Приходи к нам, и мы так-то угостить сумеем. Пойдем, жена, дома лучше!

Курицына. Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братец, подожди, как-нибудь сочтемся.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина и Афоня.

Краснов (*подходя к жене*). Татьяна Даниловна, вы не возьмите себе этого в обиду, потому необломанный народ.

Краснова. Вот она ваша родня-то! Я не в пример лучше в девушках жила; по крайности я знала, что никто меня обидеть не смеет.

Жмигулина (*прибирая со стола*). Мы с простонародием никогда не знались.

Краснов. Да и я вас в обиду не дам-с. При ваших глазах родной сестры не пожалел, из дому прогнал; а доведись кого чужого, так он бы и ног не уволок. Вы еще не знаете моего характера, я подчас сам себе не рад.

Краснова. Что ж вы, сердиты, что ли, очень?

Краснов. Не то что сердит, а горяч: себя не помню, людей не вижу в этом разе.

Краснова. Какие вы страсти говорите! Отчего же вы мне прежде не сказали о своем характере, я бы за вас и не пошла.

Краснов. Коли горячий человек, так в этом ничего худого нет-с. Стало быть, он до всякого дела горяч, и до работы, и любить может лучше, потому больше других чувства имеет.

Краснова. Я теперь буду вас бояться.

Краснов. Страху-то мне от вас не больно нужно-с. А желательнее бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

Краснова. Какой же вам еще любви от меня надо?

Краснов. Вы, чай, сами знаете какой-с; только, может быть, не чувствуете. Что делать! Будем ждать, авось после придет. Чего на свете не бывает! Были и такие случаи, что любовь-то на пятый или на шестой год после свадьбы приходит. Да еще какая! Лучше, чем смолоду.

Краснова. Ну и ждите!

Жмигулина. Это вы очень горячи к любви-то, а мы совсем другого воспитания.

Краснов. Вы насчет воспитания говорите! Я вам вот что на ваши слова скажу-с: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошел. Я и сам вижу, чего мне не хватает-с, да уж теперь года ушли. Душа есть-с, а воспитания нет-с. А будь я воспитан-с...

Жмигулина (*взглянув в окно*). Идет, Таня, идет!

Бегут обе из комнаты.

Краснов. Куда же вы так вдруг-с? Бежать-то зачем?

Жмигулина. Что вы! Опомнитесь! Надо же встретить, учтивость наблюсти.

Уходят.

Афоня. Брат! Ты сестру прогнал; за дело ли, не за дело ли, бог тебя суди! А ты на барина-то поглядывай! Поглядывай, я тебе говорю.

Краснов. Что на тебя пропасти нет! Шипишь ты, как змея. Ужалить тебе меня хотелось. Убирайся вон отсюда! Поди, говорят тебе, а то до смерти убью.

Афоня. Что ж, убей! Мне жизнь-то не больно сладка, да и жить-то недолго осталось. Только не будь ты слеп! Не будь ты слеп! (*Уходит.*)

Краснов. Что они с моей головой делают! Аль в самом деле смотреть надо, аль смущают только? Где ж тогда, значит, любовь! Да неужто ж, господи, я себе не утеху, а муку взял! Встряхнись, Лёв Родионов, встряхнись! Не слушай лукавого! Одна у тебя радость, – он отнимет, сердце высушит. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грош пропадешь! Все это наносные слова, вот что! Ненавистно стало, что жена хороша да живем ладно, – и давай мутить. Видимое дело. В каждой семье так. Бросить да не думать, вот и конец. А барина надо будет выжить, да чтоб и вперед не заглядывал. Ходите, мол,

почаще, без вас веселей. Так оно и разговору меньше, да и на сердце покойнее.

Входят Бабаев, Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бабаев, Краснов, Краснова и Жмигулина.

Бабаев. Так вот вы где живете! Это у вас свой домик?

Краснова. Свой-с! А вот это мой муж-с.

Бабаев. А, очень приятно. Я с вашей женой давно знаком.

Краснов. Это ваше дело-с.

Бабаев. Вы торгуете?

Краснов. А это вот наше дело-с.

Краснова. Что ж вы не сядете!

Бабаев и Краснов садятся.

Не угодно ли вам чаю?

Бабаев. Нет, благодарю; теперь не пью чаю.

Жмигулина. Ах, Таня, мы и забыли, что в Петербурге совсем другой вкус. (*Бабаеву.*) Можно сию минуту кофей сделать.

Бабаев. Нет, вы, пожалуйста, не беспокойтесь: я ужпил. Мы лучше так посидим, потолкуем о чем-нибудь. Веселитесь ли вы здесь? Есть ли у вас развлечения?

Краснова. Нет-с. Какие же здесь могут быть развлечения!

Бабаев. Как же вы время проводите? Неужели всё дома сидите?

Краснова. Большею частью.

Краснов. Да оно так и следует в нашем звании. По-нашему, по-русски: мужик да собака на дворе, а баба да кошка дома.

Жмигулина (*тихо Краснову*). Учтивей-то вы не можете?

Краснов. Я свое дело знаю.

Бабаев. Так вы хозяйством занимаетесь. Вам, я думаю, трудно было привыкать к новым обязанностям.

Краснова (*взглянув на мужа*). Да-с. А впрочем, нельзя сказать... конечно... сначала...

Бабаев (*Жмигулиной*). Я спрашиваю, а и сам хорошенько не знаю, в чем заключаются эти обязанности.

Жмигулина. Да вам, по благородству вашему, и знать-то это низко.

Краснов. Никакой низости нет.

Бабаев. А в самом деле, что же тут низкого?

Жмигулина. Слова низкие и даже довольно грязные, которых при людях воспитанных никогда не говорят.

Бабаев. Ну, предположите, что я человек невоспитанный. Какие же слова, скажите!

Жмигулина. Вы просто нас с Таней конфузите. Вам интересно слышать эти слова, так извольте! К хозяйству относится кухня и всякие простонародные вещи: сковорода, сковородник, ухват. Разве это не низко?

Краснов. Да уж низко ли ухват, высоко ли, а коли ши в печку сажать, так доставать его надо.

Краснова. Вы хоть бы при гостях-то не обижали жену!

Краснов. Да я вас ни при гостях, ни без гостей никогда на волос не обидел-с. А вас спрашивают, какая вы мужу хозяйка, да еще при муже-с; так, я полагаю, вам бы надо отвечать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должностью не гнушаетесь, потому что в нашем звании это первое дело-с.

Жмигулина (*тихо Краснову*). Вы нам мешаєте с нашим гостем разговаривать.

Бабаев (*тихо Красновой*). Что, он у вас всегда такой?

Краснова (*тихо*). Я не знаю, что с ним сделалось.

Бабаев (*тихо*). Вы сами видите, что мне здесь делать нечего. Вы лучше приходите ко мне сегодня, а я теперь пойду домой. (*Громко.*) Ну, прощайте! Надеюсь, что мы видимся с вами не в последний раз.

Жмигулина. Конечно, конечно.

Краснова. Покорно благодарим за посещение!

Краснов (*кланяясь*). Прощенья просим! Вы скоро отсюда уедете?

Бабаев. Не знаю. Как дело кончится.

Краснов. Однако, как полагаете?

Бабаев. В суде говорят, что послезавтра.

Краснов. И, значит, как кончится, так вы в тот же час и уедете?

Бабаев. Я думаю. Что ж мне здесь делать!

Краснов. Да-с! Оно точно, что нечего. Наше вам почтение!

Бабаев, Краснова и Жмигулина уходят.

Непрощеный гость хуже татарина. На что он нам? Какая от него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищие. Ну, значит, и проваливай! Поезжай себе в Петербург, и любезное дело!

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Краснов, Краснова и Жмигулина.

Краснова. Что же это вы делаете! С чего же вы взяли так обижать меня!

Краснов. Никакой обиды-с! А вы вот что-с! Мы с вами еще после свадьбы ни разу не ссорились, так желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить в любви-с.

Жмигулина. Хороша любовь! Нечего сказать!

Краснов строго взглядывает на нее.

Краснова. Где же она, ваша любовь-то? Вот мы теперь ее хорошо видим. Вашим родным да знакомым я прислуживай, как кухарка, а пришел наш знакомый, человек благородный, так вы его чуть не выгнали.

Жмигулина. Да и выгнали, только что политически.

Краснова. Уж вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мне очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждом шагу.

Краснов. Да я не понимаю, к чему этот и разговор про-меж нас! Все и дело-то разговору не стоит. Может, мы его больше и не увидим никогда, да нам и надобности в нем нет; с чем пришел, с тем и ушел. А нам с вами всю жизнь жить; так стоит ли он того, чтобы нам с вами из-за него неудовольствие иметь.

Краснова. Ах, Луша, какой срам-то! Что он теперь об нас подумает?

Жмигулина. Да. Он теперь скоро в Петербург поедет; хорошее мнение он об нас туда повезет.

Краснов. Я вам опять-таки скажу-с, что его и всякие мнения надо бросить. Все дело-то гроша не стоит. Я так понимаю: есть ли он на свете, нет ли его, это для нас с вами все одно-с.

Краснова. Для вас его на свете нет, но не для нас. Мы с сестрой обещали бывать у него и даже сегодня хотим идти.

Краснов. Не к чему-с.

Краснова. Как не к чему? Я вам говорю, что я хочу его видеть.

Краснов. Вы хотите, да мне не желательно. Должны вы меня уважить или нет?

Краснова. Что это вы какую власть вдруг забрали. Да вы и не воображайте, чтоб мы вас послушались – этому не бы-

вать!

Краснов (*ударяя по столу*). Чего-с! Как так не бывать? Нет-с, уж коли что я говорю, так это так точно и будет. Я говорю дело и вам на пользу-с, по тому самому я вам строго и приказываю. (*Опять ударяет по столу.*)

Краснова (*плачет*). Что ж это за тиранство! Что за мучение!

Жмигулина (*со смехом*). Ах, какой грозный! Ах, какой страшный! Ха! ха! ха!

Краснов. Вы-то что квакаете! Вас-то я так турну, что у вас об калитку подол завизжит.

Краснова. Ну уж вы что хотите делайте, хоть убейте нас, а мы все-таки пойдем. Мы не хотим доказать ему, что мы невежи против него. Должны же мы поблагодарить его за неоставление нас и пожелать счастливого пути.

Краснов. Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, когда вам словами говорят.

Краснова. Уж вы не драться ли хотите? Что ж, от вас это станется. Только того и жди.

Краснов. Ошиблись. Никогда вы от меня не дождетесь! Я вас столько люблю, что на нынешний раз даже ваш каприз уважу. Извольте идти, и уж больше туда ни ногой. Только вот что еще, Татьяна Даниловна! Вот видите часы-с! (*Показывает на стенные часы.*) Так, когда вы пойдете, взгляните, и чтоб через полчаса здесь-с! (*Показывая на пол.*) На этом самом месте-с. Поняли?

Краснова. Пойдем, Луша, одеваться.

Уходят.

Краснов. Кажется, у нас дело-то на лад пойдет! Они были маленько избалованы; в таком случае для них строгость не мешает. Стерпится – слюбится. А там, как барин уедет, можно и опять лаской; так наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда они у барина будут, кажется, ничего бы на свете не взял; да что ж делать, сразу круто нельзя, – вовсе от себя оттолкнешь. Само собою, что будет думаться, и то и другое в голову-то полезет. Ну, да ведь не разбойник же он какой, в самом деле! Да и супруга моя, как собственно недавно... То есть враг я сам себе, да и только! Ведь ничего не может быть дурного; а я думаю да всякие вздоры прибираю!.. Пойтить с приятелями в трактире посидеть покудова!.. Об чем это он ей давеча шептал?.. Ну да что ж, ведь давно знакомы; может так что! (*Берет картуз.*) Татьяна Даниловна! Сохнул я по тебе, пока не взял за себя; вот и взял, да все сердце не на месте. Не загуби ты парня! Грех тебе будет! (*Уходит.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Бабаев.

Краснова.

Жмигулина.

Зайчиха.

Карп.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп и Зайчиха (входят).

Зайчиха. Что, сам-то спит, что ли?

Карп. Не знаю. Да нет, он этой привычки не имеет. Опять же и время не то. Ты как думаешь? Ведь еще теперь в Петербурге не обедали, еще утро.

Зайчиха. Ишь ты! Ах, батюшки!

Карп. Вот иногда зимой уж и смеркнется давно, и огонь везде зажгли, а все еще утро считается.

Зайчиха. Ну да что мудреного! Город большой, столичный, не то что у нас. А я было так взошла: мол, не нужно ли что. (*Взглянув в окно.*) Ведь это к нам кто-то. Пойти встре-

тить. (*Уходит.*)

Карп. Взвоешь здесь от тоски. Спервоначально бы этим судейским, которые у них поглавнее, дать барашка в бумажке, так они бы мигом. По крайности, мы были бы теперь дома, у дела. Как ему самому-то не скучно! Уж не соследил ли он тут добычку себе! Недаром он по городу-то ходит! У него манера-то известная: ходит-ходит мимо окон-то, да и призрит глазом на какую-нибудь брунетку.

Зайчиха входит.

Зайчиха. Поди-ка, мой милый, доложь самому-то, что его спрашивают.

Карп. Зачем спрашивают?

Зайчиха. Уж ты доложь, он там сам знает.

Карп (*в дверь*). Пожалуйста, сударь, к вам пришли.

Бабаев (*из двери*). Кто?

Зайчиха. Выдь-ка сюда, батюшка, на минуточку: нужно!

Бабаев входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Карп, Зайчиха и Бабаев.

Зайчиха. Слушай-ка! К тебе пришла Краснова, лавочница, с сестрой, так спрашивают, можно ли, мол, взойти.

Бабаев. Просите их сюда! Да вот что! Послушайте, хозя-

юшка! Пожалуйста, чтобы разговору не было! Может быть, она и еще ко мне придет, так уж вы скажите лучше, что она к вам ходит. Может быть, спрашивать будут; знаете, ведь город маленький, все друг друга знают, друг за другом смотрят, куда кто пошел, где что делал.

Зайчиха. И, батюшка! Да мне что! Я и видела, да не видала. Ты проезжий, не здешний.

Бабаев. Попросите их сюда! Мы ведь с вами, милая хозяйюшка, старые приятели. (*Треплет ее по плечу.*)

Зайчиха. Приятели, батюшка, приятели! (*Уходит.*)

Карп (*махнув рукой*). Грехи! (*Уходит.*)

Краснова и Жмигулина входят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бабаев, Краснова и Жмигулина.

Жмигулина. Еще здравствуйте! Ждали ли нас?

Бабаев. Признаться, так скоро не ждал. Садитесь, что же вы стоите!

Садятся.

Жмигулина. Бегом бежали к вам. Из дому-то насилу вырвались.

Краснова. Полно, Луша, перестань!

Жмигулина. Уж нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентин Павлыч давеча сами видели нашу алистократию. А уж

какая после вас пальба была!

Краснова. Ах, Луша, мало ли что в семье бывает! неужели всем рассказывать! Никому до того дела нет, как мы живем.

Жмигулина. Поняли вы теперь, Валентин Павлыч, что такое значит мужик, когда он важность на себя напустит?

Краснова. Хорошо тебе разговаривать-то, ты посторонняя. Ты бы меня-то пожалела! Он мне муж, мне с ним жить до гробовой доски.

Бабаев. Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

Краснова. Какой вы чудной! За что вы меня упрекаете? Где ж вы были, когда нам было есть нечего? А теперь уж не воротишь. Остается только плакать всю жизнь. *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, об чем же вы теперь-то плачете?

Краснова. Чему ж мне радоваться-то? Вам, что ли? Может быть, я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы те поймите: из-за вас я с мужем поссорилась; вы-то уедете не нынче-завтра, а мне с ним оставаться. Вы только хуже сделали, что приехали: до вас-то он мне не так дурен казался. Да и он вдруг совсем переменялся. Пока вас не видал, так всякую мою прихоть исполнял, как собака руки лизал; а теперь начал косо поглядывать да и покрикивать. Каково же мне будет всю жизнь с постылым горе мыкать! *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, перестаньте! Что это вы! *(Жмигулиной.)* Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите к хозяйке, я один

ее лучше уговорю.

Жмигулина. Пожалуйста, не хитрите! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бабаев и Краснова.

Бабаев (*подвигается и обнимает Краснову одной рукой*).

Душенька, Танечка, ну, перестань! Что ты так расплакалась! Ну, давай подумаем вдвоем, как помочь твоему горю.

Краснова. И думать нечего! Никак нельзя.

Бабаев. Уж будто? А что, если я увезу тебя в деревню?

Краснова. В какую? Куда?

Бабаев. Туда, в свою. Там все так же, как было при маменьке: те же аллеи, пруды, беседки; все тебе знакомое, все будет напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

Краснова (*освобождаясь из-под его руки*). Что вы только придумываете, как погляжу я на вас! Да возможное ли дело, чтоб такой вздор в голову пришел! Что ж, муж-то так вам и позволит! Да он меня на дне моря сыщет.

Бабаев. На время тебя можно будет спрятать, так что он и не найдет; а между тем с ним поторговаться.

Краснова. Что вы! Что вы! Вот еще новости! Ну, да будет вам пустяки-то говорить! Вот вы лучше посоветуйте, как мне всю жизнь с мужем-то жить.

Бабаев. Ну да, как же! Нужно мне очень!

Краснова. Значит, вы меня вот так ни крошечки не любите! Только притворяетесь. Вот что, да-с!

Бабаев. И не грех это тебе, Таня, а? Нет, скажи ты мне, не грех?

Краснова. Что?

Бабаев. Подозревать-то меня не грех?

Краснова. Да ну вас! Вас ведь не разберешь, притворяетесь вы или нет.

Бабаев. Да и на что тебе разбирать, мой ангел! Ты обо мне-то не заботься! Ты спроси у своего сердца, что оно говорит тебе! *(Обнимает ее.)*

Краснова. А ваше что вам говорит?

Бабаев. Да ведь ты мне, Таня, не веришь; ты говоришь, что я притворяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну как я тебя обману?

Краснова. Да уж это не ваше дело! Вы только говорите!

Бабаев. Да и не обману, не бойся! Из чего мне тебя обманывать. *(Нагибается к ней; она слушает, потупя глаза.)* Вот что, Таня! Сердце мне говорит, что никого еще я не любил так, как тебя люблю. Мне все равно, будешь ли ты верить моим словам, или нет. Да я сейчас и докажу тебе, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я ведь не говорю тебе, что я никогда не видал женщин красивее тебя, умнее. Вот тогда ты мне могла бы прямо в глаза сказать, что я лгу. Нет, я видел и лучше тебя, и умнее, только не видал я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой

женщины, как ты.

Краснова (*вздыхнув*). Простенькой... Ах, правду вы говорите!

Бабаев. Ну, вот я тебе сказал, что я чувствую. Что же ты мне не скажешь?

Краснова. Да что мне говорить-то! Не умею я. Я бы, может быть, больше вашего насаждала. Да и зачем говорить – вы сами знаете.

Бабаев. То есть я, может быть, и догадываюсь, да только...

Краснова. Ну что «да только»? Вот и нечего сказать-то!

Бабаев. Нет, есть что. Я догадываюсь, да только проку-то из этого мне мало.

Молчание.

Ты мне сама скажи, что ты меня любишь! Ну, что же, Таня?

Краснова. Что вам?

Бабаев. Любишь ты меня?

Молчание.

Любишь, а?

Краснова (*потупившись*). Ну, да.

Бабаев. Очень?

Молчание.

Что же ты молчишь? Очень любишь?

Краснова. Да.

Бабаев. А в деревню поедешь со мной?

Краснова. Ах, отстаньте вы от меня!

Бабаев. Ну, не надо в деревню. Мы вот что сделаем: я найму здесь в городе квартиру и через неделю буду приезжать сюда. Ты на это согласна?

Краснова. Согласна.

Бабаев. Ну, вот видишь, душенька Танечка, я на все для тебя готов.

Краснова. Вижу.

Бабаев. А ты?

Молчание.

Что же молчишь?

Краснова. А уговор?

Бабаев. Какой уговор?

Краснова. Вчерашний. Помните, там на берегу.

Бабаев. Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

Краснова. Бесстыдник вы, бесстыдник! Нешто можно забывать так скоро!

Бабаев. Не хочу я знать никаких уговоров. (*Обнимает ее и целует.*)

Краснова (*встает*). Ах, оставьте, пожалуйста!

Бабаев. Как «оставьте»? Что значит «оставьте»?

Краснова. То же и значит, что оставьте.

Бабаев. Что за капризы?

Краснова. Никаких капризов, только вы, пожалуйста, подальше.

Бабаев. Если ты станешь так капризничать, я ведь уеду. Брошу и дело, за которым приехал, да сейчас и уеду.

Краснова. Пожалуй, уезжайте.

Бабаев. Я ведь не шучу. Карп!

Входит Карп.

Собирайся ехать и потом за лошадьми сходи!

Карп. Слушаю-с!

Краснова. Так вы вот как! Ну так бог с вами! Прощайте!

(Убегает.)

Карп. Что же, сударь, собираться прикажете?

Бабаев. Куда собираться! Надоел, братец! *(Подходит к окну.)* Уж не домой ли они ушли?

Карп. Не уйдут-с.

Бабаев. Не твое дело! Пошел вон!

Карп уходит, входит Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бабаев и Жмигулина.

Жмигулина. Сестра просила вам сказать, чтоб вы погодили уезжать. Теперь у хозяйки сидит одна знакомая женщина, так вы сами понимаете, что пройти к вам неловко. А когда она уйдет, сестра зайдет к вам. Ей нужно об чем-то с вами поговорить.

Бабаев. Вы милы, Лукерья Даниловна!

Жмигулина. Что-то ушам не верится! Уж от вас ли я слышу такие комплименты! (*Приседает.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Краснов.

Краснова.

Жмигулина.

Архип.

Афоня.

Комната первой сцены второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Краснова (на кровати), Жмигулина (входит).

Жмигулина. Таня, спишь ты?

Краснова. Нет.

Жмигулина. Ну так вставай! Что валяешься целый день!

Все утро лежала и теперь лежишь.

Краснова. Зачем вставать-то? Что делать-то?

Жмигулина. Диви бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надрываешь. Лучше встань, да потолкуем!

Краснова (*встает*). Ишь ты день-то сегодня какой невеселый, пасмурный! (*Садится.*) Бесталанная моя головушка!

Что только я над собой сделала! Зачем я замуж пошла? Утопила я себя, просто утопила!

Жмигулина. Кто ж его знал! Женихом-то он был тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я ведь вчера думала, он шутит, что на полчаса нам сроку-то дал.

Краснова. Да и я то же думала. Кабы ты посмотрела, как он накинудся, какой страшный сделался. А нынче все утро косился, ушед не простившись; вот и обедать не приходил.

Жмигулина. Что же он тебе говорил, как вы вчера одни-то остались?

Краснова. Уж он и ругал ругательски, и в чувство-то ударялся, и сам плакал; чего-чего ни делал! За всю мою любовь к тебе, говорит, одного я прошу: успокой ты меня, потому что я ревнив.

Жмигулина. Вот еще наказание-то!

Краснова. Ни к кому, говорит, я тебя не ревную, только к одному этому барину.

Жмигулина. Еще бы он ко всякому ревновал! вот бы одолжил.

Краснова. Когда он уедет, говорит, что хочешь делай и ходи куда хочешь; а вот за то, что ты меня не послушалась, так не смей ты через порог переступить, пока он совсем не уедет из города.

Жмигулина. Ну что ж ты ему на это?

Краснова. Он кричит, а я все молчу, все молчу; только уж очень мне обидно, что он надо мной такую власть взял.

Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ка, вздумал командовать да свои мужицкие грубости говорить. Ему вот ничего, что он меня обидел, а я нынче целый день плакала. Ведь уж он меня хоть зарежь, я его любить не буду. Еще дай он мне волю, так я бы хоть какое-нибудь чувство к нему имела; а теперь назло буду все напротив делать; хотя бы я и виновата была перед ним, я и за вину не сочту; надо же мне ему чем-нибудь выместить. Что ж, не драться же мне с ним: у меня силы не хватит против него.

Жмигулина. Известно. Он будь тем доволен, что ты за него замуж-то пошла; а то еще вздумал над поведением наблюдать.

Краснова. Да и как я его бояться стала со вчерашнего дня. То есть не поверишь ты, так вся и задрожу, как он на меня взглянет.

Жмигулина. Ну, как же ты теперь думаешь?

Краснова. Да как думать-то? Уж очень у меня в голове-то запутано. Как ни кинь, все дурно. За кусок хлеба продала я свою молодость немилому человеку, и день ото дня он мне все противней становится.

Жмигулина. Как не опротиветь после таких пасажей с его стороны. Особенно как посравнить кой с кем. Тот кавалер как быть следует, во всей форме.

Краснова. Ну, вот что ж мне теперь делать-то! Кабы я могла равнодушно отстать от Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да, видно, об этом надо было прежде по-

думать да пораньше хватиться; а теперь уж поздно. Сил моих не хватит.

Жмигулина. Ведь и он тебя чрезвычайно как любит, Таня.

Краснова. Ну так что ж? Бог бы с ним. То-то вот ума-то у нас не хватает, а после и плачься. Мне еще маменька-покойница говорила: смотри, девка, погубит тебя простота твоя.

Жмигулина. Ведь тебе, чай, с ним повидаться надо? Он, я думаю, ждет.

Краснова. Ну да, само собою. Кабы моя была воля, так и полетела бы к нему.

Жмигулина. Так надо умом раскинуть, как бы нам эту статью обработать.

Краснова. Сколько я ни ломала голову, ничего не придумала.

Жмигулина. Вот что, Таня! Тебе надо мужа обмануть.

Краснова. Каким манером?

Жмигулина. Нашей сестре без хитрости никак жить нельзя, потому мы слабый пол, со всех сторон обиженный.

Краснова. Какие же хитрости? Ты меня научи.

Жмигулина. Теперь ты с мужем, как кошка с собакой, так поневоле в его башку-то придет, что, значит, ты его не любишь, а любишь другого.

Краснова. Ну как же с этим быть?

Жмигулина. А ты переломи себя. Принеси ему покорность: мужики это любят. Притворись перед ним, что ты

влюблена в него, нагороди ему турысы на колесах, он уши-то и развесит. Приласкайся к нему хорошенько разными ласками – это ему в диковинку.

Краснова. Я должна буду против сердца говорить.

Жмигулина. Так что ж за беда! Почему он знает, что у тебя на сердце. Нешто ему понять, что притворное обращение, что настоящее. Ты посмотри, после таких твоих деликатностей он так в тебя вверится, что ты хоть в глазах у него амурничай, он и то не будет замечать.

Краснова. Вдруг над собой такой перемены не сделаешь.

Жмигулина. Непременно вдруг. Чего ж тебе дожидаться-то!

Краснова. Он теперь на меня дуется; как к нему подойдешь? Не прощенья же у него просить!

Жмигулина. Зачем прощенья? (*Подумав.*) А ты вот как сделай: поговори ты деду Архипу, что хочешь с мужем помириться, чтобы промежду вас никаких неудовольствий не было, что ты мужа любишь и для тебя очень чувствительно, что он тебя обижает.

Краснова. Что ж, я пожалуй.

Жмигулина. Мне как хочешь! Я для твоей пользы говорю.

Краснова. Поди приведи дедушку, он в саду сидит.

Жмигулина уходит.

Что значит, коли женщина с умом-то! Хоть бы и понра-

вился кто, так она никому виду не подаст. Мужа так обойдет, что он в ней и души не чаёт. А без ума-то и попадешься сейчас.

Жмигулина вводит Архипа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Краснова, Жмигулина и Архип.

Архип. На что я вам? Какие такие у вас дела до меня? Татьяна, ты здесь, что ль?

Краснова. Здесь, дедушка.

Архип. Вот Лукерья ведет меня да говорит: «Дедушка Архип, дело есть!» Что, думаю, за дела такие до меня, старого!

Жмигулина. Да вот, дедушка, сестра на мужа обижается.

Архип. Ну так что ж! Промежду мужем и женой кто ж судья! Пусть как хотят, так и живут.

Краснова. Что за радость так-то жить! Лучше бы жить в согласии.

Архип. Так за чем же дело стало? Ну, живите в согласии! Кто ж вам мешает?

Жмигулина. Вот видишь ты: у него очень грубое обращение, а мы к этому не привыкли.

Архип. Погоди ты, не таранти! У ней самой язык есть.

Говори ты, Татьяна.

Краснова. Муж теперь на меня сердится и не глядит совсем; он думает, что я его не люблю, так это он ошибается.

Жмигулина (*делает знаки Красновой, чтоб та говорила*). Она только его характеру боится.

Краснова. Я его люблю, как по закону следует. Если он про меня что дурное думает, так напрасно. Разве я могу променять его на кого-нибудь. Ни в жизнь этого не сделаю.

Жмигулина. Еще бы, такого распрекрасного человека! Разве она не чувствует.

Краснова. Если я была в чем перед ним виновата, ну побранил, да и будет. Только будь он со мной ласков, а уж я-то всякое уважение ему сделаю. Так буду угождать, что он и не ожидает.

Жмигулина. Она и мне сколько раз говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

Архип. Да что вы друг за другом так и погоняете! Сговорились вы, что ли?

Жмигулина. Да как же мне молчать-то? Разве мне приятно видеть, что сестра, которую я даже обожаю, живет с мужем не в согласии. (*Делает знаки Красновой.*)

Краснова. Так вот, дедушка Архип, я и хочу тебя попросить, чтоб ты поговорил мужу...

Архип. Постойте! Постойте! Дайте срок – не сбейте с ног! Ты говоришь, что муж на тебя сердится? Значит, ты виновата?

Краснова. Велика ли моя вина!

Архип. Ну да велика ли, мала ли, а все виновата. Самой тебе, значит, покориться не хочется, стыдно, вот ты и просишь меня. Так, что ли?

Краснова. Так, дедушка Архип.

Архип. От сердца ты говоришь аль так, только слова одни?

Краснова. От сердца, дедушка.

Архип. Ну, мне что ж. Мое дело сторона. Лжешь, так богу ответишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будет согласие, так всем нам будет любо.

Жмигулина. Ты ему сегодня поговори.

Архип. Как придет, так и поговорю.

Входит Афоня.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Краснова, Жмигулина, Архип и Афоня.

Архип. Кто вошел?

Афоня. Я, дедушка Архип.

Архип. У нас нынче праздник, Афоня. Вот Татьяна хочет с мужем в ладу жить, покориться ему хочет.

Афоня. Покориться? Покориться? Не верь, дедушка Архип, обманывает.

Архип. Ну полно, что ты!

Краснова. Что мне обманывать! Какая корысть?

Афоня. Аль за ум взялась, как брат пугнул-то хорошенько. Давно б ему пора. Да уж коли ты взаправду, так гордость-то брось. В ноги мужу-то, в ноги кланяйся! Да и нам всем, всем. Всех ты нас обидела.

Жмигулина (*тихо*). Не слишком ли много чести будет.

Краснова. За что же я буду мужу кланяться?

Афоня. А за все, что он делал для тебя. Я сам видал, как он перед тобой на коленях стаивал! Стыд головушке! (*Закрывает лицо руками.*)

Жмигулина. Что ж, коли ему это нравилось.

Афоня. Не хуже он вас, да кланялся, а теперь ты поклонись. Сними этот стыд-то с него. Не отвалится у тебя голова-то! Да и нам всем, и зятю поди поклонись, и сестре.

Краснова. Ну еще мужу сколько-нибудь на дело похоже, а вам-то за что?

Афоня. А за то, что брат всех нас обидел за тебя. С тебя разлад-то пошел в семье. Ты ему милей всех стала, милей всей родни.

Архип. Угомонись ты! Дай сердцу уходиться! Мы мириться хотим, а ты опять ссору заводишь.

Жмигулина. Вот и не муж, а какого страху задает! А дай-ка ему волю-то, так и житься от него не будет.

Архип (*глядит по голове Афоню*). Ну, что с него взыскивать? Он больной человек.

Входит Краснов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Архип и Афоня.

Жмигулина (*Архипу тихо*). Лёв Родионыч пришел.

Архип. Никак, ты, Лёв, не обедал сегодня?

Краснов. Некогда было.

Краснова. Коли угодно, мы сейчас подадим.

Краснов (*садится к столу*). Само собою. Ужели ж мне не емши быть!

Краснова. Накрывай, сестра! (*Уходит в кухню. Жмигулина накрывает на стол.*)

Архип. Ты, Лёв, в лавку пойдешь?

Краснов. Нет, уж я забрался.

Архип. Дома, что ль, будешь?

Краснов. С часок места побуду, а то надоть за реку сходить, деньги получить.

Краснова вносит чашку щей, ставит на стол и уходит с Жмигулиной.

Краснов, съевши несколько ложек, задумывается.

Архип. Лёв! Не вижу я тебя, а словно как ты невесел пришел?

Краснов. На что глядя радоваться-то!

Архип. А тужить-то об чем? Что за горе?

Краснов. Мое горе, дед, мое. Мое собственное. Мне про

то и знать.

Архип. Ну, бог с тобой! Твое горе, тебе с ним и ведать-ся. *(Помолчав.)* А и то сказать, ведь я тебе не ворог; хоть и скажешь мне, так беды не будет. Да и жил-то я не с твое и горя-то видал побольше; может, еще что и на пользу скажу.

Краснов. Не такое дело, дед, чтоб совета просить! Ничего ты мне не скажешь.

Архип. Глупый ты, глупый! Почему ты знаешь? Аль ты себя умней всех ставишь?

Краснов. Да отстань ты! Не до того мне! Ну что пристал! *(Стучит с сердцем ложкой по чашке.)*

Входит Жмигулина, ставит на стол чашку с кашей и уходит.

Архип. Жена-то умней тебя, право умней.

Краснов. Кабы умна была, так бы слушалась мужа.

Архип. Мало ль чего нет! На всякий час не опасешься! А ты за малость гнева не держи. Одна вина – не вина, а две вины – полвины; три вины – вина.

Краснов. Какая вина! Вина вине рознь. За другую вину удавить мало.

Архип. Что больно грозно! Ноне за денной разбой да и то не вешают.

Краснов. И кусок-то в рот нейдет.

Архип. Эко сердце-то у тебя ретивое! Я начал было про жену-то, это я неспроста. Она прежде тебя за ум взялась.

Краснов слушает.

Говорит: «Дедушка Архип, замолви за меня мужу словечко! Я, говорит, его люблю, только его нраву боюсь. Может, он что думает на меня, так напрасно. Я его ни на кого не променяю. Я, говорит, ему всякое угождение сделаю, только бы он простил меня да не сердился».

Краснов. Да это точно?

Архип. Аль ты совсем рехнулся? Врать, что ли, я стану на старости лет! Она бы и сама тебе сказала; ей и хочется покориться-то, да, видишь ты, стыдно, ну и боится.

Краснов (*встает*). Дедушка Архип, пойми ты меня! Ведь ты знаешь, как я ее люблю, нечего тебе сказывать! Жили мы с ней до этого случая ладно; вы все видели, души я в ней не чаял. Наезжает теперича этот барин, и вижу я, он с ней разговаривает больно слободно, ну и взяло меня за сердце. Веришь ты мне, не помнил, что говорил, что делал. Как пошла это она к нему, жду я ее полчаса – нейдет, жду час – нейдет, так меня лихорадка проняла, зубы у меня застучали. Чего тут я, чего ни передумал! Может, я грешу, обижаю ее; может, у ней и в уме-то ничего нет; да что ж мне делать-то! Жжет меня всего огнем, вот так и жжет. Обидел я ее, это точно, да легко ли мне самому-то? Скажи ты мне, что она умерла сейчас, – что я над собой сделаю, я не знаю, а легче мне будет, ничем у меня ее кто отымет. (*Плачет.*) Другой денег себе хочет, знати, а мне ничего не надо, мне только чтоб

она меня любила. Дай ты мне на выбор: вот, мол, тебе, Краснов, горы золотые, палаты царские, только оставь жену; или вот, мол, тебе землянка непокрытая, работа всякая черная, только с женой жить; я и ох не молвлю, буду на себе воду возить, только бы с ней быть завсегда. Так слушай ты, дедушка! Мудрено ль, что я сгоряча и обидел ее! Нет любви, так и сердца нет. А вот ты мне говоришь, что она теперь сама покориться хочет! Ведь такой радости мне и во сне не увидеть. Точно у меня гора с плеч. Как будто я снова на свет родился! Ну, дедушка Архип, спасибо тебе! Мертвый я был человек, оживил ты меня! То есть такое мне в голову лезло, что, кажется, и не замолить ввек. Близко он, окаянный, подле меня ходил. Мало того, что в уши-то шепчет, а, и сказать-то грех (*тихо*), и под руку толкает.

Архип. Что ты! На кого?

Краснов. Ну да уж что было, то прошло. Вперед не дай бог этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

Архип. А ты укорачивай сердце-то!

Краснов. Эх, дедушка! Рад бы я укорачивать, да не спохватишься. В очах у тебя вдруг смеркается, в голове звенит, за сердце словно кто рукой ухватит, в уме тебе только несчастье да грех представляются. И ходишь как полоумный, ничего кругом себя не видишь. А вот теперь отошло от сердца, так и ничего, полегчало, ровно и не бывало ничего.

Входит Жмигулина и берет чашку со стола.

А где же Татьяна Даниловна?

Жмигулина. Она там, в кухне.

Краснов. Зачем же они в кухне? Что им там делать! Со-
всем не их место в кухне сидеть! Позовите их сюда.

Жмигулина уходит.

Афоня (*тихо Архипу*). Дедушка, будет она брату в ноги кланяться аль нет? Коли не будет, я уйду.

Архип. Как хотят, нам что за дело!

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Архип и Афоня.

Краснова. Вы меня звали?

Краснов. Потому собственно, что вам в кухне сидеть непристойно-с.

Архип. Я, Татьяна, ему говорил; теперь уж как хочешь сама.

Краснова. Лёв Родионыч! Если я в чем виновата перед вами, так извините меня. Если вам угодно, я вам, пожалуй, в ноги поклонюсь.

Краснов. Нет, зачем же-с! Я и так могу чувствовать-с! Нешто я могу вас допустить до этого, чтоб вы мне кланялись! Что я тогда буду за человек!

Краснова. Я согласна что угодно сделать, только бы вы на меня не сердились.

Краснов. Ничего мне от вас не надобно, кроме вашего слова-с. Вы сказали слово – и конец, я вам должен верить.

Краснова. Значит, вы на меня не сердитесь?

Краснов. Никакого сердца-с! А что я, точно, человек не полированный, сгоряча пошумел, так за это не взыщите, потому любя-с.

Жмигулина. Ах, полноте! Кто же на вас может взыскивать!

Краснова. Я уж и забыла. Мне не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотели даже и взглянуть на меня.

Архип. Ведь помирились, ну и будет! Что старые-то дряги перетряхивать! Вот теперь как следует поцелуйтесь. Так все дело и пойдет своим чередом.

Краснова. За этим, дедушка, дело не станет. Я с моим большим удовольствием! Я уж давно хотела, да не знала, как понравится Льву Родионычу!

Краснов. Если вы с удовольствием-с, так уж я вдвое против того-с! *(Целуются.)*

Жмигулина. Это только всегда было удивительно видеть для меня, Лёв Родионыч, как сестра вас любит.

Краснов. Что ж тут удивительного-с?

Жмигулина. Я ее, Лёв Родионыч, лучше вас знаю. Она тихого характеру, она не может вам всего высказать, а надоб-

но знать, что она чувствует.

Краснов. Тем для нас приятней-с!

Жмигулина. Она бы и хотела вам свою любовь высказать, да от робости не может.

Краснов (жене). Чего же меня робеть-с! Я такой же человек, как и все.

Жмигулина. Мы уж так от природы.

Краснов (жене). Нет, уж вы сделайте такое ваше одолжение, вы вперед меня не бойтесь. Меня совесть зазрит. Что я за пугало?

Краснова. Я вас не буду бояться, Лёв Родионыч, я вас буду любить.

Жмигулина. Другие из нашей сестры вам на словах всего наскажут, чего даже у них и на сердце нет, а сестра напротив.

Краснов. Так мы и будем вас понимать. А то иной раз не знаешь, как к вам и подойти! Понравится ли еще вам!

Краснова. Вы мне всегда нравитесь.

Афоня. Пойдем, дедушка Архип, на улицу посидеть!

Архип. Пожалуй, пойдем. Теперь у нас, слава богу, опять совет да любовь. Хорошо, когда в доме согласие! Хорошо, детки, хорошо! (*Уходя.*) Окаянный сквозь землю, господь по земле!

Уходят.

Жмигулина. Я тут залепортовалась, а мне тоже кой-куда сбегать надо. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Краснов и Краснова.

Краснов (*садится на лавку*). Ах, Татьяна Даниловна, ка-бы бог дал нам с вами век прожить в такой согласии, как те-перича!

Краснова (*сидясь подле него*). Да и проживем.

Краснов. Ведь вот ежели бы вы завсегда с такой лаской, так из меня хоть веревки вей. Вы, Татьяна Даниловна, из ме-ня лаской все можете сделать.

Краснова (*кладет ему руку на плечо*). Да мне ничего не нужно от вас, я всем довольна. Только вы не думайте обо мне с худой стороны. Зачем вы меня приревновали?

Краснов (*обнимая ее*). Ишь ты какая, обиделась! (*С лю-бовью смотрит на нее.*) Душа ты моя! Что кому дорого, тот то и бережет. Ведь ты мне дороже всего на свете! Ты ка-кая жена-то? У кого такая есть? Ты на зависть всему горо-ду, нешто я не вижу! Кому захочется такую жену потерять! Первое дело, это все одно что клочок из сердца вырвать, а вто-рое дело, мне насмешками да укорами проходу не дадут, со свету сживут. Я тебя, надо так говорить, больше души своей люблю, и в помышлении-то не хотел бы тебя обидеть, а вот – что ты хочешь – все-таки думается.

Краснова. А вы не думайте!

Краснов. Ну, да теперь шабаш.

Краснова (*ласкаясь*). Уж ты не стыди меня, не наблюдай за мной!

Краснов. Сказано – шабаш! Целуй-ка ты меня покрепче! (Целуются.) Вот так! Сказывай ты мне теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мне привязку иметь?

Краснова. Так, просто люблю, да и все.

Краснов. Нет, ты сказывай! Мне лестно это слышать от тебя. Хочу я знать, что есть такое во мне, что меня такая красавица полюбила? Аль умом, аль чем тебе по нраву пришелся?

Краснова. Да всем. Что ж, кто про тебя дурное скажет? Известно, хороший человек.

Краснов. Ну, а еще что?

Краснова. Ты очень добр, ничего не жалеешь для меня.

Краснов. Вот что! (*Крепко обнимает и целует.*) Ну, так люби меня больше, еще добрей буду. Что ты морщишься? Аль поизмял маленько?

Краснова. Да ты очень крепко.

Краснов. Ну, да уж ау, брат! Ничего не поделаешь! Как люблю, так и обнимаю. Значит, от души, без фальши. Небось не сахарная, не развалишься.

Краснова. Да я ничего.

Краснов. Ведь я знаю, что так только. А то на что тут жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Так, что ли?

Краснова. Сам знаешь, что ж спрашиваешь!

Краснов. Эка жизнь с бабой-то хорошей! Малина просто! Разлюбезное дело! Нет-то ничего на свете лучше! И что такое это значит, что вы нашему брату так дороги?

Краснова. Я не знаю.

Краснов. Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это понимать! Мы знаем одно, что... прилепился к жене своей, вот и все. Прилепился, ну и кончено дело. Когда я теперича с тобой сам-друг, так мне хоть всё огнем гори! (*Целует ее.*) Сегодня пойду деньги получу, завтра тебе обновку куплю.

Краснова. На что! Не надо!

Краснов. Коли я говорю, что куплю, стало быть это мое дело. Значит, по делу выходит, что надо. Ты свое дело знай: утешай мужа! А я буду свое знать. (*Взглянув на часы.*) Э, да уж времени-то много! Надоть идти! А не хотелось бы мне теперь от тебя уходить.

Краснова. Не ходи!

Краснов. Ой, аль и вправду нейти? Да нет, что баловать-ся-то! Девушка гуляй, а дела не забывай! Не приди нынче за деньгами, так после неделю даром проходишь. И как далеко идти-то! Чтоб его!.. За реку ведь! С час проходишь, прах его побери! (*Берет картуз.*) Так ты говоришь: погоди!

Краснова. Да разумеется!

Краснов. Ишь ты какая! (*Обнимает ее.*) Знаю я вашего брата. Ну, да мало ль что! А ты вот подожди меня часик, авось в час-то не умрешь! (*Целует ее.*) Ну, прощай! А то с

тобой, пожалуй, эдак и вправду останешься. Ведь вы на соблазн человеческий созданы на свете! (*Идет.*)

Краснова. Приходи скорей!

Краснов. Как скоро, так и сейчас. Нет, кроме шуток, раньше часу не обернешься. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Краснова (*вслед мужу*). Ну, прощайте! Насилу-то ушел. Несчастливая я, несчастная! Говорят, надо любить мужа; а как я могу его любить? Грубый, неотесанный, ласки медвежьи! Сидит – ломается, как мужик. А тут еще притворяйся перед ним, потрафляй ему; противность какая! Вот уж ничего бы на свете не взяла, кабы не такое теперь дело вышло. Что делать-то! И не мил, да покоряйся! (*Молчание.*) Да куда ж это все разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! (*Садится к окну.*) И народу-то никого нет на улице, поглядеть не на кого. Куда это сестра делась? (*Заневаает вполголоса.*)

Ах, матушка, скучно!

Сударыня, грустно!

Сердечушко ноет,

Ноет-занывает;

Мил про то не знает,

Как сердце страдает.

Входит Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Краснова и Жмигулина.

Жмигулина. Что, ушел?

Краснова. Ушел.

Жмигулина. Далеко ли?

Краснова. За реку.

Жмигулина. Долго проходит?

Краснова. Говорит: ближе часу не вернусь.

Жмигулина. Вот бы и сбегала. Я сейчас там была – он дожидается. Сегодня едет.

Краснова. Неужели сегодня? Как же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказал ведь. Повидала б я его.

Жмигулина. Возьми мой платок, покройся хорошенько. Ишь на дворе-то совсем как сумерки, никто тебя не узнает.

Краснова. Не было бы беды?

Жмигулина. Волка бояться – в лес не ходить. Далеко ль тут, мигом добежишь. Только не засиживайся!

Краснова, Нет, нет, как можно! (Покрывается платком.)

Жмигулина. То-то ж, смотри! Сохрани господи, Лёв Родионыч раньше тебя придет! Что мне тогда делать! Разве сказать, что за нитками, мол, пошла к знакомой. Хорошо, как поверит. Ты что тут с ним одна-то говорила?

Краснова. Что говорила – не знаю, что теперь делаю – не помню.

Жмигулина. Ну, беги, беги!

Краснова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Жмигулина и потом Афоня.

Жмигулина (*у окна*). Ишь пустилась! Как стрела летит. А где бы ей придумать, кабы не я. Вот и собой хороша, да как ума-то нет, тоже плохо. Всему-то ее научи; смотри за ней, как за малым ребенком. Не научи я с мужем помириться, что бы было? Ссора да брань. Она бы, пожалуй, уступить не захотела; ну, значит, поминутно в доме стражение, а от соседей мараль. А теперь что хочешь делай; все шито да крыто будет.

Входит Афоня.

Афоня. Где Татьяна? Где она, где она?

Жмигулина. Зачем она тебе понадобилась?

Афоня. Нужно мне. Говори, где? Говори, где?

Жмигулина. В саду, должно быть.

Афоня. Что ты меня дурачишь! Скажи хоть раз в жизни правду! Ушла она? Говори, ушла?

Жмигулина. Может быть, и ушла.

Афоня. Это она, что ли, сейчас в ворота шмыгнула?

Жмигулина. Должно быть, она. Не за нитками ли пошла? Она давно хотела к соседке сбегать.

Афоня. За нитками?

Жмигулина. Ну да, за нитками.

Афоня. Ты врешь, врешь!

Жмигулина. Да отвяжись! Что ты пристал! Ты что де-да-то бросил?

Афоня. Не твое дело. Я знаю, куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча по глазам по вашим видел: у вас огни в глазах бегали, дьявольские огни.

Жмигулина. Экой ты ехидный мальчишка!

Афоня. Так погодите ж вы, погодите! Будет вам нас обманывать, выведу я вас на свежую воду.

Жмигулина. Не пугай! Не очень тебя боятся.

Афоня (*со слезами*). Господи боже мой! Что это такое? Какого человека в глаза обманывают! (*Убегает.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Зайчиха.

Курицына.

Афоня.

Бабаев.

Краснова.

Улица перед домом Зайчихи. Сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курицына и Зайчиха (выходят из калитки).

Зайчиха. И, матушка, что ты! что ты! Как можно! Брось, не думай! Тебе так показалось. Уж поверь ты мне, что показалось.

Курицына. Толкуй, показалось! Я еще, слава богу, не ослепла. Ее ль не узнать! Да я ее сейчас из тысячи выберу по платью. У нас ведь одна модница-то только и есть; мы по праздникам того не надеваем, в чем она по будням ходит. Мы это с тобой из двери, а она к нему в дверь.

Зайчиха. Говорю тебе, ошиблась. Оно точно, что не без греха. Есть тут одна, бегают к нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мне что! Разве бы я не сказала? Да коли неправда, так зачем пустяки говорить.

Курицына. Ты ведь потатчица.

Зайчиха. Не грехи, Уляша, не грехи!

Курицына. Да что за грех, Прокофьевна! От нее станется; я ее знаю. Больно ей брат волю дал. На другую б я не подумала, а на нее и греха нет. Не нынче, так завтра начнет петли метать, что и концов не найдешь. Она брату-то очки на нос наденет! А ведь как она меня разобидела, кабы ты знала.

Зайчиха. Ужли?

Курицына. С места не сойти! Брата настроила, тот так и

рычит на меня. Знать, говорит, тебя не хочу. Вот она какая! Да нет, погоди, милая! Со мной – не с кем другим.

Зайчиха. И, полно ты! Что вам делить-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

Курицына. Да пропадай она пропадом: мне до ней-то и дела нет; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутит, со всей родней его ссорит.

Зайчиха. Ну, уж это ваше дело; как-нибудь сочтется. Ты теперь домой, что ли?

Курицына. Домой, касатка: ужинать пора. Мой привередник-то теперь, чай, ходит да покрикивает. Заходи к нам-то!

Зайчиха. Ваши гости.

Целуются. Прокофьевна уходит в калитку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Курицына и потом Афоня.

Курицына. Кто ее знает, врет Прокофьевна или нет. Верить-то ей нельзя, баба-то плут. А дорого б я дала, чтоб мне узнать доподлинно, она теперь у барина или нет. Нешто подождать? А как она тут долго, так муж-то мне такую гонку задаст, что до новых веников не забудешь. Ну, счастлива ты, что мне некогда, а то подстерегла бы я тебя. (*Идет. Навстречу ей Афоня.*) Афоня, ты куда?

Афоня. Поди, не трожь меня! Не трожь!

Курицына. Татьяна дома?

Афоня. Нет, ушла.

Курицына. Так она тут, у барина, я ее сейчас видела.

Афоня. У барина? Господи! Где же стыд-то в людях!

Курицына. Ну, я домой побегу, скажусь мужу, да и к вам зайду. (*Уходя.*) Погоди, братец, погоди, обидчик, я теперь тебя отчитаю! (*Уходит.*)

Афоня. Батюшки! Сил моих нет! Как тут жить на свете? За грехи это над нами! Ушла от мужа к чужому. Без куска хлеба в углу сидела, мы ее призрели, нарядили на свои трудовые деньги! Брат у себя урывает, от семьи урывает, а ей на тряпки дает, а она теперь с чужим человеком ругается над нами за нашу хлеб-соль. Тошно мне! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрели мы змею на своей груди. (*Прислоняется к забору.*) Буду ждать, буду ждать. Я ей все скажу, все, что на сердце накипело.

Из калитки выходят Бабаев и Краснова. Афоня прячется за угол.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Афоня, Бабаев и Краснова.

Бабаев. Чего ты боишься? на улице ни души. И куда ты торопишься, получасу нет, как ты пришла.

Краснова. Нет, нет! Все как-то сердце не на месте.

Бабаев. Что у тебя за страх такой, я не понимаю. Ну, по-

бранит муж, да тем дело и кончится.

Краснова. Вот тогда я тоже опоздала; какой он страшный сделался, так и думала, убьет. Страшен он мне, очень страшен!

Молчание.

Ты скоро опять приедешь?

Бабаев. Через неделю, а уж много дней через десять.

Краснова. Эх, право, как это так случилось! Ведь вот кабы по душе-то судить: ты в деревню – и я в деревню, ты в Петербург – и я за тобой.

Бабаев. Ведь я тебя звал с собой.

Краснова. Тебе хорошо: ты свободный человек, а я теперь все равно что в крепости. Вот оно мое горе-то. Да и то уж не раз мне в голову приходило, как бы к тебе убежать.

Бабаев. И отлично.

Краснова. Ты только вздумай, какова моя жизнь несчастная: что мужа обманешь, то и поживешь в удовольствии. Все обман да обман! А что хорошего обманывать-то? да и противно; не такой у меня характер. А догадайся муж, что я его не люблю, так он бранью да попреками меня в гроб сведет. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу и что я в их семье лишняя, ну и отпустили бы меня на все четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто поймет! Ты посмотри, какие они все грубые да строгие, а я к строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нет.

Бабаев. Таня, ты вот что сделай: скажи ему прямо, что

ты с ним жить не хочешь. Найми с сестрой квартиру, я вам денег вышлю.

Краснова. Что ты! что ты! и думать нечего. Разве он отпустит. Хоть умирай, да при нем, у него на глазах; лучше уж я уйду потихоньку.

Бабаев. Ну, потихоньку.

Краснова. Ох, уж, право, не знаю! На словах-то все мы бойки, а как до дела дойдет, так и разум потеряешь, особенно я. Уж делай ты как знаешь. Что ты мне скажешь, так я и буду делать. Ведь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

Бабаев. Разумеется.

Краснова. Вот правду-то говорят, что все мы, бабы, сумасшедшие: сама ведь замуж пошла, никто меня не неволил, ну так и жить бы, как по закону следует; а меня вот к тебе тянет, из дому бежать хочу. А ты все виноват, Валентин Павлыч: через тебя теперь я от дому отбилась. Кабы не ты, жила бы как-нибудь с мужем, по крайности бы горя не знала.

Бабаев. Прекрасная жизнь! есть о чем жалеть!

Краснова. А теперешняя жизнь нешто хороша! Конечно, я не должна тебя много винить, потому что сама кругом виновата. Вам что думать! ваше дело мужское, никто тебя не осудит, а нам за все про все беда. Ну, да что делать! Теперь поздно разбирать, кто прав, кто виноват, а видно, так надобно было этому делу случиться. Только ты не обмани меня, приезжай!

Бабаев. Ну полно, что ты! Непременно приеду.

Краснова (*целует его*). Прощай! пора мне! Что это как я вся трясусь, ноги так и подламываются.

Бабаев. Ты успокойся немного. Пойдем, я с тобой погуляю по берегу; еще успеешь домой вовремя прийти.

Уходят.

Афоня. Вот, брат Лёв, на кого ты нас променял! погляди, полюбуйся! Кто тебя любит-то душою, так ты на того зверем смотришь; я сохну, как свечка; таю все из любви да из жалости к тебе, а еще ни разу от тебя доброго слова не слышал. В жене ты души не чаял, а она, злодейка наша, вот что делает! Нет на свете правды, нет! (*Уходит.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Краснов.

Краснова.

Жмигулина.

Архип.

Афоня.

Курицын.

Курицына.

Комната третьего действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жмигулина входит со свечой и ставит ее на стол, потом Афоня.

Жмигулина. Что это Таня нейдет! уж пора бы. Эка сумасшедшая! рада, что вырвалась, а того не подумает, что вдруг, сверх всяких ожиданий, муж вернуться может. Вот и вертись как на иголках. Только кто за дверь, так сердце и упадет. Каждая минута за год кажется. Афонька еще меня беспокоит. Куда он делся? уж не ее ль стережет? Конечно, против каждого его слова можно найти десять отговорок, а все-таки, пожалуй, сумление наведет. Ах, кто-то идет, неужто сам! сохрани господи! Я, кажется, так тут и умру.

Входит Афоня и, охая, ложится на лежанку.

Ты где был?

Афоня. Где был, там нету.

Жмигулина. Да говори, авось язык-то не отвалится.

Афоня. Не хочу я с тобой говорить.

Жмигулина (*ласково*). Аль тебе, Афоня, нездоровится?

Афоня. О господи! не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

Жмигулина. Очень нужно тебя обманывать!

Афоня. Брата обманывайте, а меня не обманете. Нет, нет.

Жмигулина. Ты что-то такое говоришь довольно странное для меня.

Афоня. Ох, моченьки моей нет! Отойди – не вертись ты на моих глазах, не мучь ты меня.

Жмигулина. Тебе ж хуже, когда ты ласки не умеешь понимать.

Афоня. Не надо мне, ничего не надо.

Жмигулина. Ну, так и знай свою печку. Ты думаешь, мне нужно? так ведь, из жалости.

Молчание.

Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на месте.

Входит Краснов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Краснов.

Краснов. Вот и я как раз. Каково обернул! Я над Татьяной Даниловной пошутил малость: ждите, говорю, через час, а сам через полчаса тут как тут, чтобы, значит, неожиданно. Оставлял чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да где ж они-с?

Жмигулина. Да не знаю. Тут где-нибудь. Не в сад ли вышла?

Краснов. Пошлите их поскорей, я им хочу за нынешнее их уважение подарочек сделать.

Жмигулина. Сейчас, сейчас. (*Уходит.*)

Краснов (*ходит молча, потом рассуждает сам с собою*).
Пятьдесят семь рублей, шесть с костей, три на кости, девять

Петру Ананьеву. (Молчание.) Что же они пропали? (*Ходит молча.*) Афоня, ты не знаешь, куда вышла жена?

Афоня. Не знаю. Ох, неможется мне!

Краснов. Да что же они проклаждаются? (*Подходит к двери.*) Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голоса не подают. Что же это такое теперича значит? Афонасий, да где же жена?

Афоня. Аль соскучился без нее? придет, не бойся. Где ни гуляет, а домой придет.

Краснов (*у двери*). Татьяна Даниловна!

Входит Курицына.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Курицына.

Краснов. Кто это? это ты, Ульяна?

Курицына. Я, братец.

Краснов. Зачем?

Курицына. Навестить вас, братец, по-родственному.

Краснов. Не больно-то я нуждаюсь.

Курицына. У вас, братец, сердце, у меня другое; я так вот не могу об родне не вспомнить. Где невестушка-то?

Краснов. Да где-то тут запропастилась. Кличу их, да не докликчусь.

Курицына. Да, может, далеко где, так вашего зова не слышит.

Краснов. Где же далеко? Говорят тебе, что дома.

Курицына. Кто говорит-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

Краснов. Хоша бы и она.

Курицына. А ты и поверил. Эх ты, простота, простота!

Краснов. Уйди, сестра! Уйди от греха!

Курицына. Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видела, как она к барину прошла.

Краснов. Эка роденька у меня! Счастье мое им поперек горла стало. Варварка ты, ненавистница. Убить тебя мало за язык твой, за проклятый! (*Замахивается.*)

Афоня (*встает с печи*). Тише ты, тише! Что буянишь?

Краснов. Вместе вас обоих на одну осину.

Афоня (*заслоняя сестру*). Не трожь ее, пальцем не трожь! Она правду говорит, истинную правду.

Краснов. Врете вы, ненавистники! Часу нет, говорю я вам, часу нет, мы с ней тут сидели, целовались, обнимались, в глаза друг другу глядели, наглядеться не могли.

Курицына. Батюшки, да он помешался! Ты ума рехнулся! Да поди сам погляди, коли нам не веришь.

Краснов (*у двери*). Лукерья Даниловна!

Курицына. Кличь, кличь, и она туда ж побежала.

Входит Курицын.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Курицын.

Курицын. Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько ее, чтоб она из дому не бегала.

Краснов. Да где же она? Где же она? Пожалейте вы меня: ведь вы из меня жилы тянете.

Курицын. Да авось придет, – не ночует же она там.

Курицына. Да вы, братец, успокойтесь, сядьте!

Курицын. Да все и подождем ее, сударушку.

Краснов. Ласкала, миловала, крепко к сердцу прижимала.

Краснова тихо входит и оглядывает всех.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Краснова.

Краснов. Где была-побывала? Весело ль погуляла? Говори, не утаивай! Что ж ты молчишь? Говори! Видишь, все на мой срам глядеть сошлись.

Курицына. Что ж ты молчишь, бесстыжие твои глаза! Отмолчатся, что ль, думаешь? Видели мы, как ты и туда прошла и назад вышла.

Курицын. Топни, брат, на нее, топни хорошенько, заговорит.

Краснов. Да не мучь ты меня! Скажи ты мне, как на тебя смотреть-то, какими глазами? Врут, что ль, они? – так гнать их вон, чем ни попадя! Аль, может, правду говорят? Освободи ты мою душу от греха. Скажи ты мне, кто из вас враг-

то мой? Была ты там?

Краснова. Что ж мне теперь лгать, когда уж все видели. Была.

Краснов (*потерявшись*). Ну вот, добрые люди, вот... вот оно дело-то! Что же теперь? Как же я?... Ну, простите меня окаянного, что я вас обидел! Как чужие жёны – я не знаю, а у нас вот как.

Курицына. Вот и посмотрим теперь на твою спесь. Как теперь в люди нос-то покажешь, бесстыдница! Осрамила брата-то у нас, осрамила!

Афоня. Змея, змея!

Курицын. Что на нее смотреть-то! Тут же ее сейчас и расказнить надо.

Входит Архип.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Архип.

Архип. Аль наказанье какое божеское? Что за шум? Не пожар ли? Не вижу ведь.

Курицына. Да вот невестушка дел наделала! Кабы я на месте брата, так бы взяла ее да и разразила.

Краснов. Прочь, прочь! Никто, никто пальцем не тронь! Я ей муж, я ей и судья. Ну, скажи мне, что ж это ты, как? С чего ты загуляла-то? Грех, что ли, тебя попутал? сама ты не гадала этого над собой, не чаяла? Или своей охотой, что ли,

на грех пошла? Теперь-то ты что? Сокрушаешься об делах своих аль нет? Аль, может, ты думаешь, что так и надо? Говори, что молчишь! Совестно тебе людей-то теперь аль весело? Стыд-то у тебя есть в глазах аль рада ты своим делам? Да что ты, каменная, что ли! Валяйся у всех в ногах, распинайся! Или уж прямо мне в глаза говори, что ты назло мне сделала! Чтобы мне знать-то, что делать-то с тобой – жалеть ли тебя, убить ли тебя? Хоть малость-то ты любила ль меня; есть ли за что мне хоть пожалеть-то тебя? Или все уж обманывала, что ли? во сне, что ли, мне снились мои красные дни?

Краснова *(со слезами)*. Я виновата, Лёв Родионыч, я вас обманула. Не любила я вас никогда и теперь не люблю. Уж лучше вы меня оставьте, чем нам обоим мучиться. Лучше разойдетесь!

Краснов. Как разойтись? Куда разойтись? Нет, врешь! А на ком же я свою обиду возьму? Ты говоришь, что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходил да ломался, что меня барышня любит распрекрасная. На ком мне этот стыд теперь взять? Пошла в кухню! Не умела быть женой, будешь кухаркой! Не умела с мужем ходить об руку, ходи по воду. Ты меня в один день состарила, и я теперь над твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдет солнце красное, кроме тычка наотмашь да попрека не дожدهшься ты от меня весь свой век; разве как-нибудь, под сердитую руку, убью тебя как собаку. Да подайте мне ножик!

Краснова убегает.

Афоня. Братец! братец! Она уйдет, уйдет сейчас.

Краснов. Не уйти ей от меня.

Афоня. К барину уйдет. Я слышал, как они сговаривались уехать в деревню.

Краснов. Да кто ж у меня ее возьмет, коли я ее не отдам? Где это такая сила есть на свете, которая у меня ее отымет? Только разве с руками оторвут.

Афоня (*заглядывая в дверь*). Братец! собирается. Уйдет, братец!

Краснов (*отталкивая его*). Прочь! От мужа только в гроб, больше никуда! (*Уходит. Слышен крик Красновой: «Пустите меня!» Возвращается.*) Вяжите меня! Я ее убил.

Афоня. Ништо ей!

Курицына. Ах, голубчик! Что теперь с твоей головушкой будет?

Архип. Где он? Где он? Ведите меня к нему!

Афоня подводит.

Что ты сделал? Кто тебе волю дал? Нешто она перед тобой одним виновата? Она прежде всего перед богом виновата, а ты, гордый, самовольный человек, ты сам своим судом судить захотел. Не захотел ты подождать милосердного суда божьего, так и сам ступай теперь на суд человеческий! Вяжите его!

Курицын. Не ждал, не гадал, а в беду попал! Беда не по

лесу ходит, а по людям.

1862